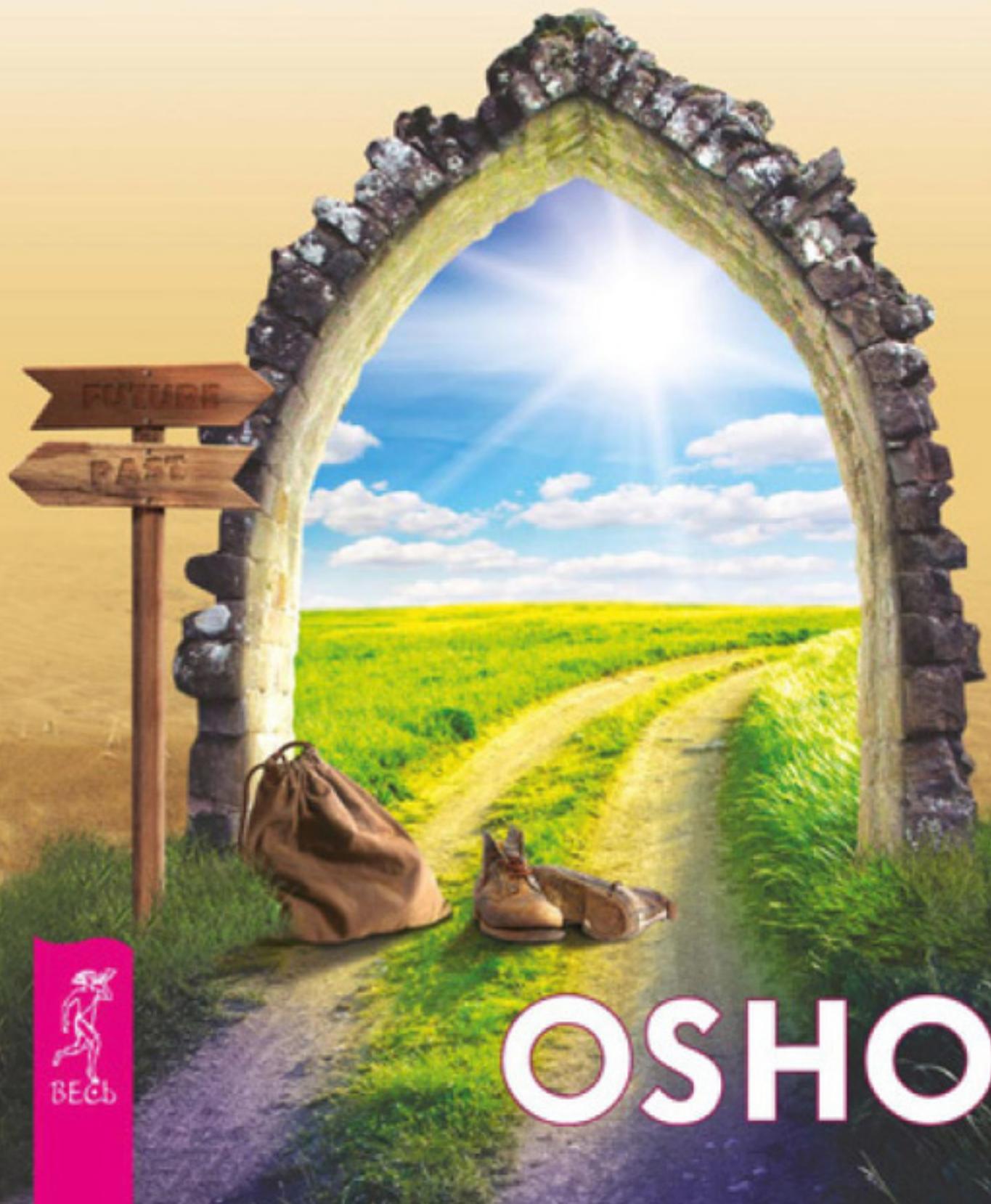

ОШО

О СУФИЯХ, СУФИЗМЕ И СУФИЙСКИХ ИСТОРИЯХ

ЛЮДИ ПУТИ

OSHO

Путь мистика

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

**Люди пути. О суфиях, суфизме
и суфийских историях**

ИГ "Весь"

Раджниш (Ошо) Б.

Люди пути. О суфиях, суфизме и суфийских историях /
Б. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", — (Путь мистика)

Жизнь, подчиненная какой-либо цели, – это путь. И суфии обычно именуют себя людьми пути, имея в виду дорогу к истине, осознанности, просветлению... Но только ли суфиям открывается истина? Ошо утверждает, что дорогу к осознанию легко обнаружить любому из нас. Так как же понять, что является нашим истинным предназначением? Что значит «ищущий»? В этой книге Ошо открывает сокровищу суфийской мудрости, пришедшей из глубины веков. Прошлое и будущее, бренное и вечное, человеческое и Божественное – эти и многие другие темы с потрясающей ясностью и убедительностью рассмотрены в беседах Ошо. «Суфизм учит нас жить легче, проще и радостнее. Для этого ничего не надо делать – вам осталось только взять этот дар из рук суфиеv. Поэтому я и говорю, что суфизм – это особая разновидность волшебства, редкий вид волшебства», – объясняет Ошо. И если вы готовы побывать немного волшебниками, тогда в путь! Ранее книга выходила под названием «Суфии: люди пути. Беседы о суфизме»

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ошо

Люди пути. О суфиях, суфизме и суфийских историях

Osho

Sufis: the People of the Path

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation. www.oshocom/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Banhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.oshocom

Глава 1

Редкий вид волшебства

Увайса спросили: «Как вы себя чувствуете?»

Он ответил: «Как тот, кто поднялся утром и не знает, будет ли он жив вечером».

Тот, кто спрашивал, возразил: «Но все люди находятся в такой ситуации».

Увайс ответил: «Да, но кто из них чувствует это?»

Однажды ко мне пришел ученый мусульманин и спросил: «Вы же не мусульманин, как вы можете говорить о суфизме?»

Я ответил ему: «Я не мусульманин, однако я – суфий».

Суфию не обязательно быть мусульманином. Суфий может существовать где угодно, в любых условиях, потому что суфизм – это сокровенная суть всех религий. Он не имеет ничего общего с исламом. Суфизм может существовать без ислама, а вот ислам не может существовать без суфизма. Без суфизма ислам – труп. Только в суфизме он оживает.

Если какая-либо религия жива, то только благодаря суфизму. Суфизм – это любовное приключение с Богом, с запредельным, любовное приключение с целым. Суфий – это человек, который готов раствориться в целом, который готов пригласить целое, чтобы оно пришло в его сердце. Суфизму неведомы никакие формальности. Он не ограничен никакой догмой, доктриной, вероучением или церковью. Христос – суфий, как и Мухаммед. Кришна – суфий, равно как и Будда. Это первое, что мне хотелось, чтобы вы запомнили: суфизм – это сокровенная суть – так же как дзен, как хасидизм. Это лишь разные названия для одних и тех же отношений с Богом.

Эти отношения опасны. Они опасны из-за того, что чем ближе вы становитесь к Богу, тем больше вы исчезаете. А когда вы подходите по-настоящему близко, вас вообще нет. Это опасно, потому что это суицидально... но такое самоубийство прекрасно. Умереть в Боге – это единственный способ жить по-настоящему. Пока вы не умираете, до тех пор пока вы добровольно не умираете в любви, ваше существование очень посредственно, вы живете растительной жизнью, в вас нет никакого смысла. Никакая поэзия не расцветает в вашем сердце, никакой танец, никакой праздник, вы просто бредете на ощупь в темноте. Вы живете по минимуму, вас не переполняет экстаз.

Такое переполнение случается только тогда, когда вас нет. Вы сами – препятствие. Суфизм – это искусство удаления препятствий между вами и *вами*, между собой и *себой* – между частью и целым.

Кое-что о слове *суфизм*. Древнеперсидский словарь приводит в статье с заголовком «суфизм» следующее толкование, содержащее рифму: «*Sufi Chist – Sufi, Sufist*». И переводится эта фраза так: «*Кто такой суфий? Суфий – это суфий*». Прекрасное определение. Суфий – это суфий. Это определение ничего не говорит и, тем не менее, говорит многое. Речь идет о том, что суфию нельзя дать определения; нет другого слова, с помощью которого можно было объяснить, кто такой суфий, нет синонима, нет никакой возможности объяснить это явление с помощью языка, оно неопределено. Вы можете проживать его, вы можете познавать его, но с помощью ума, с помощью интеллекта это невозможно. Вы должны *стать* суфием – вот единственный способ узнать, что такое суфизм. Вы можете сами попробовать реальность на вкус, она доступна. Вам не нужно погружаться в словари, лучше погрузиться в существование.

Я слышал...

Маленький мальчик играл в саду. Это был совсем маленький мальчик, и он очень боялся огромного добра, который жил в соседнем доме.

Однажды, осмелев, этот мальчик перелез через соседский забор. Дог бросился к нему и... стал облизывать. Мальчик расплакался, и на его крики прибежала мама.

– Он укусил тебя, милый?

– Нет, – прохныкал мальчик, – но он попробовал меня на вкус.

Если вы не готовы отведать кусочек суфизма, вы можете, по крайней мере, ощутить его вкус, и это то, что я собираюсь вам дать, – немного вкуса. Отведав однажды всего лишь каплю нектара под названием суфизм, вы начнете жаждать большего. Впервые вы испытаете сильную жажду Бога.

Эти беседы не смогут объяснить вам, что такое суфизм, – потому что я не философ. Я также не теолог. Я не буду говорить *о* суфизме, я буду говорить суфизм. Если вы готовы, если вы готовы отправиться в это приключение, тогда вы постигнете его вкус. Что-то под названием «суфизм» начнет происходить в вашем сердце. Это похоже на раскрывающийся бутон. У вас появятся определенные ощущения в сердце – как будто нечто в нем становится очевидным, пробуждается, как будто бы сердце долгое время пребывало во сне, а теперь... первый проблеск утра – здесь-то вы и ощутите вкус.

Суфизм – это особая разновидность волшебства, редкий вид волшебства. Его возможно передать только от человека к человеку, но не через книгу. Его нельзя передать в писаниях. Точно так же дзен – это передача за пределами слов. У суфиев для этого есть специальное слово – они называют это *силсила*. То, что индуисты называют *парамапара*, они называют силсила. Силсила означает передачу от одного сердца другому, от одного человека другому. Это очень, очень личная религия.

Вы не можете получить ее, не будучи связанными с просветленным мастером, – другого пути нет. Вы можете прочесть всю существующую литературу о суфизме, но лишь заблудитесь в словесных джунглях. Если вы не встретите проводника, если вы не влюбитесь в проводника, вы не ощутите вкуса.

Я готов взять вас с собой в это дальнее странствие, если у вас достаточно смелости и тяги к приключениям. Надеюсь, что достаточно – потому что только смелые люди притягиваются ко мне. Это место – не для трусов, это место – не для так называемых религиозных людей, это место – не для так называемых богобоязненных людей. Это место – для тех, кого я зову боголюбящими людьми. А они обладают совершенно иным качеством. Богобоязненный человек никогда не достигнет самых глубоких уровней религии, он не может – из-за страха.

Это выражение «богобоязненный» так нелепо. Если вы боитесь Бога, как вы собираетесь быть любящими? Кого вы собираетесь любить? Если вы не можете любить даже Бога, тогда любовь будет для вас совершенно невозможна. Если даже с Богом вы связаны страхом, что это за отношения? Да, нас учили бояться Бога. В действительности, единственное, чему нас учили, – бояться всего. Вся наша жизнь – это дрожь, страх, тревога – страх перед адом, страх перед Богом, страх наказания. Мы хорошие, добродетельные, потому что боимся. Что это за добродетель, если она основана на страхе? И как можно любить Бога, если ваш подход основан на страхе? Из страха никогда не возникает любовь – это невозможно. А из любви никогда не возникает страха.

Когда вы любите человека, весь страх исчезает. А когда боитесь – вся любовь исчезает. Вы можете ненавидеть человека, если боитесь его, но вы не можете любить его. На протяжении веков человека учили бояться Бога, и предельным результатом этого стало то, что Ницше был вынужден объявить: «Бог мертв». Это предельный результат ума, ориентированного на страх. Как долго можно терпеть этого Бога? Как долго можно оставаться в страхе? Рано или поздно вам придется его убить. Вот что сделал Ницше. Когда он сказал: «Бог мертв», он также сказал: «Теперь человечество свободно». Бог мертв, и теперь человечество свободно. Как иначе вы можете быть свободны с Богом, если Бог – лишь источник страха? Страх не может дать вам свободу.

Люди, приходящие ко мне, любят Бога. Когда я говорю «боголюбящие», я имею в виду, что они находятся в поиске, они хотят знать. И они хотят подлинного знания, им не нужно заимствованное знание о нем. Они хотят ощутить вкус. Они хотят встретиться, они хотят увидеть Бога, хотят посмотреть в его глаза. Но прежде чем вы сможете смотреть в глаза Бога, вам придется научиться смотреть в глаза мастера. Отсюда начинается взлет. Путешествие начинается.

Я стану доступным для вас. Суфизм – лишь предлог. Я не буду говорить о суфизме, я буду говорить сам суфизм. Слово «суфизм» тоже прекрасно. У него много измерений, и все они прекрасны. Я не хотел бы делать акцент на каком-либо одном измерении, как это делают снова и снова. Некоторые люди выбирают одно измерение, некоторые – другое, но мое понимание таково, что все эти измерения прекрасны и могут рассказать что-то особенное. Я принимаю их все.

Один старый суфийский мастер, Абул Хасам, сказал: «Когда-то суфизм был безымянной реальностью, а теперь суфизм – это имя без реальности». На протяжении многих веков суфизм существовал без названия. Он существовал как реальность. Вот почему я говорю, что Иисус был суфием, как и Магомет, Махавира и Кришна. Любой, познавший Бога, – суфий. Почему я так говорю? Постарайтесь понять слово суфий, и вам станет ясно.

Слово суфий появилось недавно – оно родилось в Германии, в немецком исламоведении – ему не более ста пятидесяти лет. На арабском это слово *tasavvuf*. Но оба они произошли от корня *сүф*, что значит шерсть.

Это кажется очень странным. Отчего шерсть стала символом суфизма? Ученые утверждают, будто бы суфии раньше носили шерстяные халаты. Это верно. Но почему? Никто не ответил на этот вопрос. Почему они носили халаты из шерсти? Мухаммед говорит в Коране, что даже Моисей в момент встречи с Богом был одет в шерстяной халат. Когда Бог заговорил с ним, он был с головы до ног закутан в шерстяной халат. Но почему?

В этом есть глубокий смысл. Шерсть – это одеяние животных, и суфий должен стать таким же простым и бесхитростным, как животные. Суфий должен достичь первородной пропорции. Он должен отбросить все проявления цивилизации, он должен отбросить все разновидности культуры, он должен отбросить все обусловленности, он должен снова стать животным. Тогда этот символ приобретает огромное значение.

Когда человек превращается в животное, он не деградирует, он совершенствуется. Когда человек становится животным, он не просто животное. Это невозможно. Вы не можете обратить эволюцию вспять. Когда человек становится животным, он становится святым. Он остается в сознании, но его сознание больше не обременено никакими обусловленностями. Он больше не индус, не мусульманин и не христианин. Он сонастроен с существованием так же глубоко, как любое животное. Он отбросил все возможные философии, он не носит в своем уме никаких мировоззрений, его ум остался без содержимого. Он есть, но он больше не в уме. Быть без ума – таково значение шерстяного халата. Быть как невинные животные, не знать, что такое хорошо и что такое плохо... и тогда возникает высочайшее благо, *sittit bonum*.

Когда вы знаете: это – хорошо, а это – плохо, и выбираете хорошее, а не плохое, вы остаетесь разделенными. Когда вы выбираете, возникает подавление. Когда вы говорите: «Я сделаю так. Это должно быть сделано. Это нужно сделать», – это становится обязанностью. Тогда, естественно, вам придется подавлять – вы вынуждены подавлять то, что осудили как плохое, – но подавленная часть остается внутри вас и продолжает отравлять вас. Рано или поздно она заявит о своих правах, рано или поздно она возьмет реванш. Когда она взорвется, вы сойдете с ума.

Поэтому цивилизованные люди всегда находятся на грани помешательства. Эта земля – большой сумасшедший дом. Некоторые уже сошли с ума, некоторые потенциально готовы. Различие между вами и сумасшедшими не качественное, а только количественное, только в

степени. Может быть, они вышли за пределы ста градусов, а вы еще задержались – на девяносто восьми, девяносто девяты – но в любой момент ситуация может вытолкнуть вас за грань. Разве вы не видите этого? Разве вы не наблюдаете свой ум? Разве вы не видите все то безумие, которое не прекращается у вас внутри, оно все время там. Вы избегаете его, занимаете себя тысячей и одним делом, просто чтобы его избежать. Вы не смотрите на него, вы хотите о нем забыть. Это слишком страшно, пугающе. Но оно там – избегаете вы или нет, оно растет. Оно постоянно наращивает силу. В любой момент оно может достичь пика, любая мелочь может спровоцировать его. Когда вы выбираете, вы вынуждены подавлять.

Животное не выбирает. Есть то, что есть. Животное просто принимает это, его принятие целостно. Ему неведом выбор.

Так же делает и суфий. Суфий не знает выбора. Он осознан без выбора. Что бы ни происходило, он принимает это как дар, как подарок Бога. Кто он такой, чтобы выбирать? Он не доверяет своему уму, он доверяет вселенскому уму. Поэтому, когда вам встречается суфий, вы видите в его глазах, в его существе такую животную невинность, такую свободу, такую радость, какую знают только животные – или деревья, или камни, или звезды.

Идрис Шах осуждал определение суфия от «суф» – «шерсть», на том же самом основании, на котором я его одобряю. Он говорил, что суфии так бдительно относятся к символам – как они могут выбрать своим символом шерсть? Шерсть олицетворяет животное, и Идрис Шах говорил, что суфии не могут выбрать животное в качестве символа. Они – люди Бога, с чего бы им выбирать животное? Это кажется очень логичным и, возможно, нравится многим людям.

Но совершенно по той же причине я одобряю это определение. Для меня быть животным означает быть невинным – не знать морали, не знать аморальности. Быть животным – не осуждение. Святой более похож на животных, чем на вас, так называемых людей.

Человеческие существа – не естественные существа, они очень неестественны, искусственны, как пластмасса. Вся их жизнь – самообман. Если вы прикоснетесь к чьему-либо лицу, вы никогда не дотронетесь до лица, вы дотронетесь только до маски. И помните: ваша рука тоже не настоящая. На нее надета перчатка. Даже любовники не прикасаются друг к другу, даже в любви вы не бесхитростны, даже в любви вы не снимаете масок. Но когда вы хотите любить Бога, вам приходится обходиться без масок. Вам приходится отбросить все обманы. Вы должны быть подлинно тем, кто вы есть, быть без выбора тем, чем вы являетесь. Только в этой первородной невинности к вам спускается Бог.

И те причины, из-за которых Идрис Шах осуждает толкование, что слово «суфий» происходит от «суф», – это те же причины, из-за которых я его одобряю.

Я слышал...

Католический миссионер пытался обратить в свою веру еврея.

Он сказал: «Все, что тебе нужно делать, это три раза повторить: „Я был иудеем, а теперь я католик. Я был иудеем, а теперь я католик. Я был иудеем, а теперь я католик“».

Тот повторил, но миссионер подумал, что лучше будет проверить вновь обращенного в пятницу у него дома.

Так и есть: еврей жарил курицу.

«Но ты же знаешь, что тебе нельзя есть курицу в пятницу!» – возмутился миссионер.

«Нет, можно, – ответил новоявленный католик, – я трижды окунул тушку в кастрюлю, повторяя: „Когда-то я была курицей, а теперь я рыба“».

Вот как мы продолжаем жить. Наша религия в точности похожа на эту притчу – все только на словах. Она не проникает в ваше существо. И вы знаете: что бы вы ни говорили, вы делаете точно противоположное. Вы думаете одно, говорите другое, а делаете что-то третье. Вас трое, вы не едины. И все эти трое направляются в разные стороны. Вы – это толпа, отсюда – страдание.

Животное едино – отсюда блаженство животного. У животного нет ничего, что могло бы дать счастье. У него нет большого дворца, у него нет телевизора, радио и всего прочего. У него нет ничего, и все же вы обнаружите величайший покой, тишину, радость, празднование. Почему? По одной причине: животное не выбирает.

Суфий не выбирает. Выбирайте, и тогда вы обманываете, выбираете, и тогда вы начинаете фальшивить, выбираете, и тогда вы становитесь пластмассовыми.

Один человек собирался прийти на праздник Хэллоуин, переодевшись в дьявола. В пути его застал дождь, и он забежал в церковь, где в это время проходило религиозное бдение. При виде его костюма дьявола люди бросились врассыпную через двери и окна.

Одна дама зацепилась рукавом за ручку кресла, а когда этот мужчина приблизился к ней, взмолилась: «Сатана, я состою членом этой церкви двадцать лет, но на самом деле все это время я была на твоей стороне».

Все дамы и господа пребывают в подобной ситуации – они признают Бога только на словах, но, по сути, они сдались дьяволу. Дьявол находится глубже, потому что дьявол был подавлен. Когда что-то подавляется, оно прячется глубже в вашем существе, и вы становитесь лицемером.

Объявляя своим символом животное, суфии заявляют: «Мы простые люди. Мы не знаем, что хорошо и что плохо. Мы знаем только Бога, и что бы ни происходило – это его дар. Мы принимаем его. Мы ничего не делаем сами». Таково первое значение слова «суфий».

Есть другое толкование: слово суфий может быть образовано от слова «суфа» – «чистота», «чистоплотность», «очищение». Это тоже хорошо. Когда в вашей жизни нет места выбору, возникает природная чистота. Но запомните: эта чистота никак не связана с моралью. Она не означает чистоту в смысле чего-то хорошего. «Чистый» означает очищенный от идей, как от хороших, так и от плохих. Чистота означает трансценденцию. У человека нет никаких представлений, никаких предубеждений. Он доверяет жизни так безгранично, что ему не нужны никакие идеи, он может жить без представлений. Когда в уме присутствуют убеждения, они создают нечистоты, они создают раны. Когда вы слишком наполнены идеями, в вас слишком много грязи. Все идеи грязны. Да, даже идея Бога – это грязная идея, потому что идеи грязны.

Для суфия Бог это не идея, это проживаемая им реальность. Он не восседает на троне где-то высоко в небесах, нет – он здесь и сейчас, он повсюду, он везде. Бог – это лишь имя целостного существования.

Чистота означает ум без содержания – поэтому, пожалуйста, пусть вас не сбивает с толку слово «чистота». Она не подразумевает человека с хорошим характером. Она не подразумевает человека, который следует десяти заповедям. Она не подразумевает человека, которого уважают в обществе за его добродетель.

Суфиев никогда не уважали в обществе. Суфий живет такой мятежной жизнью, что общество почти всегда убивало суфиев, распинало их – потому что суфий заставляет вас осознать вашу фальшивость. Он становится непрекращающейся проповедью против вашей искусственности, против вашего уродства, против вашей внутренней бесчеловечности по отношению к людям, против ваших масок, против всего, чем вы являетесь, представляете собой. Суфий становится постоянной головной болью для так называемого общества и так называемых уважаемых людей.

Я слышал...

Однажды, когда Абу Язид, суфийский мистик, молился, Бог заговорил с ним: «Язид, теперь ты стал одним из избранных мною людей. Должен ли я объявить об этом миру?»

Абу Язид засмеялся. Он сказал: «Да, можно, если ты хочешь, чтобы меня распяли, объяви об этом. Ты рассказал об ал-Халладже, и что произошло? Его распяли. Каждый раз, когда ты

объявляешь, что кто-то стал избранным, люди тотчас же его распинают. Они не любят тебя и терпеть не могут твоих людей, поэтому, если ты хочешь, чтобы меня распяли, объяви об этом».

Говорят, что Бог никогда не говорил об Абу Язиде. Он сохранял молчание.

Был еще такой случай.

Кто-то спросил Мансура ал-Халладжа, величайшего мистика всех времен: «Каков предельный опыт суфия?»

Он ответил: «Завтра, завтра ты все увидишь».

Никто не знал, что произойдет на следующий день. Тот человек спросил: «Почему не сегодня?»

Ал-Халладж ответил: «Просто подожди. Завтра это случится».

На следующий день его распяли. В момент распятия он громко крикнул своему другу, задавшему вопрос: «Где ты там прячешься в толпе? Подойди же, и ты увидишь запредельное в суфизме. Вот оно».

Если вы начинаете жить в Боге, вы становитесь невыносимыми для так называемого общества. Общество живет в лицемерии, оно не выносит истины. Истина должна быть распята. Общество может любить церковь, но не может любить Иисуса. Оно может любить католического Папу, но не может любить Иисуса. Когда Иисус уходит – хорошо, теперь вы можете поклоняться ему. Когда Мансура больше нет, вы можете говорить о нем. Но когда он здесь, он – огонь. Только те, кто готов быть поглощенными огнем, будут готовы полюбить Мансура.

«Суфа» означает чистоту, чистоту в том смысле, что в уме больше ничего не содержится. Ум исчез. Нет ума, нет раздумий, нет мыслей. Это состояние *сатори, самадхи*.

Есть другое толкование, и оно тоже прекрасно. Я принимаю все эти толкования. Третье толкование – от другого слова, от слова *суфия*, которое означает «избранный быть другом Богу».

Суфии говорят, что вы не можете искать Бога прежде, чем он выберет вас. Как вы можете искать Бога, если он еще не начал искать вас? Вся инициатива принадлежит Богу. Он ищет вас, он желает вас, он продолжает искать вас на ощупь: «Где ты?» Когда он выбирает кого-то, только тогда вы можете выбирать его. Поначалу вы об этом и не знаете, потому что, когда он еще выбирает, как вы можете знать?

То же верно и в отношении мастера. Вы думаете, это вы выбираете мастера? Чепуха, полная чепухи! Всегда мастер выбирает вас. Сама идея того, что вы выбираете мастера, эгоистична. Как вы можете выбрать мастера? Прежде всего, как вы узнаете, кто мастер? Как вы решите? Какие у вас есть критерии? Вы не можете выбрать мастера, только мастер выбирает вас.

Вы приехали ко мне из далеких стран, еще больше людей едут, они в пути. Скоро это место будет по-настоящему людным, потому что я выбрал многих, которые этого еще не заметили. Но они начали двигаться. Они думают, что ищут мастера, думают, что они – ищащие. И это естественно. Это можно простить. Но это они были мною выбраны.

Сначала выбирает Бог, затем вы жаждете его. И только суфии говорили об этом. Ни одна другая традиция не говорила так ясно, что человек не может выбрать Бога, это Бог выбирает человека. Это благословение. Даже испытывать жажду Бога – это великое благословение. Вы должны ощущать счастье от того, что вас выбрали, что Бог уже позвал вас. Первый звонок всегда слышен в глубоком бессознательном, поэтому вы не можете сообразить, что это, откуда он идет. Вы чувствуете, будто что-то исходит от вас. Но это исходит не от вас.

Человек не может взять на себя инициативу. Как человек может взять на себя инициативу? Человек настолько бессилен, человек настолько беспомощен. Человек не может начать путешествие самостоятельно до тех пор, пока его не потянут, пока какая-то магнитическая сила не начнет тянуть его к некой неведомой цели.

Вы можете выбирать только то, что вы знаете. Как вы можете выбрать Бога? Вы можете брать на себя инициативу в других вещах, мирских вещах, потому что они вам знакомы. Вы

можете иметь представление о том, как приобрести красивый дом, или заполучить эту женщину себе в жены, или этого мужчину – в мужья, или как заработать больше денег, больше власти, больше престижа – вы можете выбирать все эти вещи. Но как вы можете выбирать Бога? У вас не было даже проблеска знания о нем, даже во сне. Как вы можете выбирать что-то, настолько вам незнакомое?

Но вы не незнакомы Богу. Он может выбрать вас. Когда он выбирает вас, в вас пробуждается огромное желание найти его. Это указание на то, что он выбрал вас. Вы стали суфием – избранным другом Бога. Это тоже прекрасно.

Четвертое толкование – от греческого слова *софия*. «София» означает мудрость. Мудрость – это не то же самое, что знание, знание получают из писаний, от других людей, заимствуют. Мудрость просыпается в вашем собственном существе, вы – свет для самих себя. Мудрость означает то, что вы знаете, а не то, во что вы верите. Знание – это вера. Кто-то говорит: «Бог есть», и вы верите. Вы верите человеку, поэтому вы верите, что он, должно быть, говорит истину. Иисус говорит: «Бог есть», и вы верите; я говорю: «Бог есть», и вы верите – вот что такое знание. Вы любите меня, вы доверяете мне, вы начинаете верить, но это – знание.

Человек становится суфием, только когда он познал. Когда он познал сам, когда он сам прикоснулся к реальности, когда он сам видел лик Бога, тогда он становится суфием. Он стал мудрым. Он больше уже не просто владеет знаниями, теперь это – его собственный опыт.

Современное слово «философия» происходит от того же самого корня, «софия», но оно свернуло с пути. Слово «суфий» происходит от того же корня, что и «софия», но оно не сбилось с пути. Философия превратилась просто в домыслы – размышления, размышления, размышления, никогда не приходящие ни к какому заключению. А если вы не приходите ни к какому заключению, ваша жизнь не меняется. Просто думая, никто не меняется, только когда вы приходите к каким-то выводам, которые пережили на собственном опыте, вы совершенствуетесь. Философия – это игра со словами и логикой – прекрасная игра. Если вам нравится, вы можете в нее играть – но вы остаетесь прежними. Она ничего в вас не меняет.

Поэтому науке пришлось подать на развод с философией. В тот день, когда наука получила развод с философией, она начала расти. Она стала экспериментальной, она стала объективной. Наука больше не зависит от размышлений, она зависит от экспериментирования. Это одна из возможностей развестись с философией.

Другая возможность получить развод – суфизм. Наука движется по направлению к объекту и становится экспериментированием, суфизм движется к субъекту и становится переживанием. Но их волнует реальность: науку – та реальность, что находится вовне, а суфизм – та реальность, что находится внутри. И наука, и суфизм развелись с философией.

Наука полагается на эксперименты, потому что с объектом возможен эксперимент, суфизм полагается на переживание, потому что внутреннее сознание можно только испытать, с ним невозможно экспериментировать. Это не объект, это ваша субъективность.

И последнее толкование – от *айн соф*, который на иврите означает абсолютно бесконечный, поиск абсолютно бесконечного, поиск за пределами относительного, поиск неограниченного, вечного, вневременного.

Да, это в точности то, чем является суфизм. Суфизм есть все это и больше этого. Чтобы обратить ваше внимание на это «больше», я повторю определение из персидского словаря: «Суфий хист – суфий, суфист. Кто такой суфий? Суфий – это суфий». Ничего большего об этом сказать нельзя. Но вы можете войти в храм суфизма и ощутить его вкус.

Прежде чем мы познакомимся с маленькой историей, будет полезным понять еще кое-что. Это станет фоном, основой.

Коран говорит, что есть три базовых качества, которые должны присутствовать в сердце ищащего. Первое – *кхушу*. Кхушу означает скромность, смижение. Второе – *карамат*. Карамат означает милосердие, способность делиться, радость отдавания. И третье – *сижд*. Сижд

означает истинность, подлинность, не притворяться, но быть тем, кем бы ты ни был. Это – три столпа суфизма.

Скромность не означает обычное так называемое смиление. У обычного смиренного человека не отсутствует это. Он несет в себе новый вид этого – быть смиренным. Он думает, что он смиренный: «Нет никого, кто был бы так же скромен, как я, я превзошел всех в скромности». Но он продолжает сравнивать. Это не изменилось, это лишь приняло новый образ, стало более хитрым.

Сначала это очень явно бросается в глаза. Когда вы все время хвастаетесь своими деньгами, оно очень заметно. Однажды вы отрекаетесь от своих денег, и тогда вы начинаетесь хвастаться тем, что отреклись от них. Это уже сложнее уловить, но хвастовство продолжается. Сначала вы говорите: «Я есть такой-то». Тысячей и одним способом вы пытаетесь доказать, что вы кем-то являетесь. Потом однажды, видя всю бесплодность этого, вы отбрасываете всю эту игру, принимаете новую позу – встаете на голову и начинаете говорить: «Я есть никто». Но «я есть» остается. Раньше заявление касалось кого-то, теперь оно касается никого. Но заявление было и по-прежнему осталось. Только теперь оно приняло очень трудноуловимую форму.

Скромность, *кхуши*, означает человека, который понял все уловки этого. И с пониманием всех уловок это исчезло. Нет притязаний даже на то, чтобы быть скромным. С исчезновением притязаний приходит настоящая скромность, то есть *кхуши*.

Это – одно из самых основных качеств для тех, кто хочет двигаться к Богу, – потому что, если *вас* слишком много, вы не будете двигаться. Вы должны быть текучими, вы должны растаять, вы не можете оставаться замороженными в своем это. Только когда вы растаете, вы начнете двигаться. А когда вы начнете двигаться, куда еще вы сможете двигаться? Все дороги ведут к Богу. Только те, кто стали черствыми, не движутся к Богу – в остальных случаях, если вы движетесь, вы движетесь к Богу. Другого движения не существует.

Второе – милосердие, *карамат*. Милосердие не означает, что вы отдаете и чувствуете себя очень хорошо от того, что отдали, что вы отдаете и делаете того, кому вы даете, обязанным вам. Тогда это не *карамат*, тогда это не милосердие. Милосердие – это когда вы отдаете и чувствуете себя обязанными, потому что другой принял это, когда вы отдаете без мысли о том, что вы как-то обязываете кого-то, когда вы отдаете, потому что у вас этого слишком много – что еще вам остается делать? Это происходит не от того, что другой находится в нужде.

Милосердие – это когда вы отдаете от избытка, когда вы отдаете от изобилия. Не потому что другой нуждается, и вы помогаете другому, это никак не связано с другим. Вы отдаете, потому что имеете – что еще вам остается делать? Цветок распускается, аромат разносится ветрами – что еще может делать цветок? Лампу зажгли, и она делится своим светом, распространяет его вокруг. Облако наполнилось водой и проливается – что еще ему остается делать?

Когда вы что-то делаете от изобилия, только тогда это – милосердие. И тогда вас не беспокоит, кто достоин принять, – это вообще не имеет никакого значения.

Должно быть, вы читали прекрасную притчу об Иисусе. Иисус ни с кем не сравнится в том, что касается притч.

Один человек, богатый человек, позвал нескольких работников для работы в своем саду. К наступлению дня стало ясно, что их было недостаточно, что к вечеру работа не будет завершена, поэтому позвали еще нескольких работников. Но к наступлению вечера стало ясно, что и этих было недостаточно, поэтому позвали еще работников.

На закате богач заплатил им денег за все, что они сделали. Но он заплатил им всем одинаково: те, кто пришел утром, получили столько же, сколько те, что пришли днем, и те, что пришли прямо перед заходом солнца.

Естественно, те работники, которые пришли утром, разозлились. Они начали возмущаться и сказали: «Это несправедливо. Мы пришли утром, мы работали целый день и полу-

чили то же вознаграждение. А те люди, которые только что пришли, ничего почти не сделали и получили столько же. Это несправедливо».

Мастер засмеялся и сказал: «Того, что вы получили, разве недостаточно за ту работу, что вы сделали?»

Они ответили: «Этого достаточно. Но как же те, кто ничего не делал, но получил столько же?»

Мастер ответил: «Я дал им от своего изобилия. Разве я не могу отдавать свои деньги? Это мои деньги. Вы получили сполна, вы получили за все, что сделали. Разве я не могу разбрасывать свои деньги? К чему ваше возмущение? Отчего ваше беспокойство?»

И Иисус сказал: «Этот человек – человек милосердия. Он дает от изобилия». Это то, что суфии называют *карамат*.

Третье – *истинность*. Это не означает говорить правду, это означает быть истиной. Говорить – лишь половина пути, быть истиной – это подлинное. Вы можете сказать правду несколько раз, когда это вам не вредит, – так все время делают люди. Когда истина не причиняет им вреда, они становятся правдивыми. Иногда, если истина может принести вред другим, они даже упорствуют в том, чтобы быть очень, очень искренними. Но когда в истине для вас нет никакой пользы, тогда вы просто отбрасываете ее, тогда она не имеет значения.

Поэтому люди говорят: «Честность – лучшая политика». Но тот, кто говорит, что честность – это лучшая политика, – нечестный человек, запомните. Политика? Само это слово содержит ложь. Истина не может быть политикой, честность не может быть политикой. Они могут быть только самим вашим сердцем – не политикой. Политикой можно воспользоваться и отбросить. Политика политична. Когда политика приносит результат, вы честны – вот что это значит. «Честность – лучшая политика». Когда она не приносит результата, вы становитесь нечестными. У вас нет отношений с честностью. Вы пользуетесь ею. Вот что имеется в виду, когда вы говорите «политика».

Суфийское слово *сижд* означает быть истинным, быть правдивым. Это не только вопрос политики. Что бы ни происходило, каков бы ни был результат, совсем не думая о результате, просто быть, какой бы ни была истина, рисковать всем ради истины – вот что значит *сижд*. Это означает рисковать всем ради истины – потому что, если удается сберечь истину, сохранится все, если же истина утрачена, то все утрачено.

А теперь эта маленькая история.

Увайса спросили: «Как вы себя чувствуете?»

Увайс – это суфийский мастер.

Он ответил: «Как тот, кто поднялся утром и не знает, будет ли он жив вечером».

Тот, кто спрашивал, возразил: «Но все люди находятся в такой ситуации».

Увайс ответил: «Да, но сколькие из них чувствуют это?»

Теперь необходимо понять несколько вещей. Прежде всего, Увайс сказал: «Как тот, кто поднялся утром и не знает, будет ли он жив вечером», – этим он говорит о многом. Это утверждение наполнено смыслом. Вам придется глубоко погрузиться в него.

Во-первых, он говорит, что суфий живет от момента к моменту, он не беспокоится о том, что произойдет в следующий момент. У него нет планов относительно следующего момента. У суфия нет будущего. Этот момент – все. Он живет в нем, он полноценно живет в нем, потому что больше идти некуда.

Вы не можете полноценно жить в настоящем моменте, если у вас есть будущее, – часть вашего существа, естественно, будет устремлена в будущее. Если у вас есть прошлое, вы не можете жить только в настоящем, часть вашего ума будет устремлена в прошлое. В вас появится раздробленность. Основная часть вашего существа зависит где-то в прошлом, а

оставшаяся часть уже переместится куда-то в будущее. В настоящем ничего не останется. А настоящее так мало, так трудноуловимо, что его можно очень легко упустить. Люди постояннопускают его. У людей есть прошлое и есть будущее, но у людей нет никакого настоящего.

Суфий живет в настоящем. Чтобы жить в настоящем, прежде всего нужно вытащить себя из прошлого, вытащить себя из будущего. Тогда происходит концентрация энергий, тогда это маленькое мгновение становится сияющим, вы вливаете в него полностью всю свою энергию – тогда приходят радость и благословение. Если вы несчастны, то только потому, что живете в прошлом или в будущем. Несчастный человек имеет прошлое и будущее, человек, живущий в блаженстве, имеет только момент, этот момент. Он живет в сейчас.

Эшли Монтею изобрел новое слово – оно очень, очень поможет в понимании. Он говорит, что эта новизна, это постоянное пребывание в моменте в новом качестве, это постоянное отбрасывание прошлого и неперескакивание в будущее – великое искусство. Он называет это искусство «неотения». «Нео» означает новый, «тения» означает растянутый, расширенный.

Человек может всю жизнь проживать в новизне, человек может всю жизнь жить как ребенок, человек может распространить качество ребенка – искусство жить в моменте – на всю свою жизнь. Тот, кто живет в моменте, никогда не стареет. Он становится зрелым, но никогда не становится старым. Он по-настоящему растет. Становиться старым, взросльть не означает расти. Стареть – значит лишь медленно умирать, стареть – значит лишь совершать медленное самоубийство. Человек, живущий в моменте, никогда не становится старым в том смысле, в котором люди становятся старыми. Он никогда не становится знающим, он всегда бесхитростен, любопытен, восторжен, полон удивления. Каждый момент приносит новый сюрприз. Он готов исследовать новые измерения жизни. Он все время ищет приключений. Он – исследователь. Он никогда не пресыщается жизнью. Ему никогда не бывает скучно.

Священник в церкви объявил, что после службы состоится встреча церковного совета. Все ушли. Остались только члены совета. Но был еще один незнакомец, который сидел прямо в первом ряду.

Священник слегка смущился. Он сказал: «Сэр, вы не поняли? Я сказал, что будет встреча совета».

Незнакомец ответил: «Да. И кому же тут более скучно, чем мне? Ну-ка расскажите».

(Игра слов: *meeting of the board* – «встреча совета», произносится так же, как *meeting of the bored* – «встреча тех, кому скучно».)

Посмотрите на людей. Посмотрите людям в глаза. В них нет блеска удивления. Посмотрите на их лица, их лица говорят, что больше ничего не случится. Им скучно, невыносимо скучно. Если они не кончают жизнь самоубийством, так только из-за своей трусости. В противном случае, жить незачем, нет смысла, нет ничего значимого. Кажется, что нет никакой радости. Просто пойдите на любую улицу, встаньте в стороне и посмотрите на людей. Буквально каждый кажется покрытым толстым слоем пыли.

Почему люди продолжают жить? Потому что боятся совершить самоубийство. Однако и в жизни они не чувствуют радости. Им настолько скучно, что даже смерть не способна изменить что-либо. Им так скучно, потому что ничего никогда не случается. А в чем причина? Причина в том, что они обременены грузом прошлого.

Суфизм говорит: не будь обременен прошлым и не будь обременен будущим. Этот момент так драгоценен, зачем тратить его впустую, думая о том, чего уже нет или чего еще нет?

Позвольте моменту сейчас быть моментом великой радости, и эта радость станет молитвой, эта радость станет зикром, эта радость станет вспоминанием Бога. Бесполезно просто повторять «Аллах, Аллах, Аллах»; бесполезно просто повторять «Рама, Рама, Рама». Когда вы исполнены радости, тогда вы вспоминаете Аллаха в глубочайшем центре вашего существа. Суть не в том, что вы повторяете его имя словесно; все ваше существование говорит «Аллах», каждая ваша клеточка, каждая фибра вашего существа говорит «Аллах». Не потому, что вы

повторяете его, это не в словах, это экзистенциально. Это существует, это существует неизменно. Это становится вашим внутренним климатом. Вы начинаете жить в этой атмосфере, в этой радости.

Поэтому первое, что говорит Уайс: «Это то, что я чувствую. Я живу от момента к моменту, без каких-либо планов на будущее. Я не знаю, что случится сегодня вечером – может быть, смерть». Под смертью он просто подразумевает, что возможно все, даже смерть возможна. «Я живу в удивлении, я живу с ощущением чуда, я живу с ощущением таинственного. И величайшая тайна – это смерть».

Есть только две тайны – жизнь и смерть. И величайшая из них, конечно, смерть – потому что жизнь довольно растянута, а смерть очень концентрирована. Жизнь происходит на протяжении семидесяти, восьмидесяти, ста лет. Поэтому она растянута. Смерть же случается в один момент, она очень концентрирована. Смерть – это кульминация, взрыв. Смерть – величайший оргазм из всех возможных. Из-за этого, кстати, люди также боятся и оргазма, потому что они боятся смерти. Многие люди не испытывают оргазма. Или даже если испытывают, то этот оргазм локализован, он не очень оргазмичен – из-за страха. Оргазмические моменты – это моменты смерти. И в смерти случается предельный оргазм. В этот момент вы полностью исчезаете, вас поглощает ничто. Это – величайшее переживание.

Уайс говорит: «Я не знаю, что произойдет, – возможно, смерть». Смерть – это дверь к Богу. Те, кто знает, как умирать, знают, как входить в Бога. Те, кто цепляется за жизнь, никогда не знают, что такое Бог, потому что они не допускают смерти. А смерть приходит каждый день, с каждым мгновением что-то умирает. Если вам тридцать лет, на протяжении тридцати лет вы непрерывно умирали. Если вы собираете эти моменты за тридцать лет, эти мертвые моменты, которые вы уже прожили, если вы тащите их за собой, тогда вы обременены. Тогда вы стареете. Когда вы несете такой груз – как вы можете танцевать? Этот груз не позволит вам танцевать.

Но если вы научитесь отбрасывать этот груз каждый день, вы станете свежими, невинными, вы станете детьми, вы познаете, что смерть тоже происходит каждый день – жизнь и смерть идут рука об руку. И если однажды придет окончательная смерть, человек принимает ее, приветствует ее, празднует ее, исчезает в ней, танцует. То, как вы будете вести себя в момент смерти, покажет, как вы жили. Момент вашей смерти станет свидетельством.

Уайс говорит: «Я всегда смотрю смерти в лицо и жду ее. Я трепещу от возможности смерти». Но смотреть смерти в лицо означает жить храбро. Люди избегают смерти, они избегают даже самой мысли о ней. Они думают, что кто-то другой умирает, но они-то не умрут.

Если вы живете в такой невинности, значит, вы живете в невежестве. Невежество – важное религиозное качество. Знающий человек не может стать религиозным, но невежественный человек может легко стать религиозным.

Уайс говорит:

«Как тот, кто поднялся утром и не знает, будет ли он жив вечером».

Ничто не определенно, ничто не предсказуемо; все остается открытым. Для суфия возможно все. Ничто не является полностью определенным, все возможно – вот что значит открытость, открытый ум.

Тот, кто спрашивал, возразил: «Но все люди находятся в такой ситуации».

Всем предстоит умереть, и никто не знает, когда это случится. Второй человек не понял утверждения Уайса. Мы понимаем только на своем уровне.

Уайс ответил: «Да, но сколько из них чувствуют это?»

Они умрут. Каждый момент неизвестное пронизывает жизнь – это и есть смерть. Но они не чувствуют этого. Они этого не осознают. Люди живут в неком подобии сна, в состоянии какой-то дремоты. Люди – практически лунатики.

Пассажир в такси был более чем навеселе. Взглянув на свои часы, он увидел, что на них ровно семь часов. Почти сразу после этого он увидел часы в лавке ювелира, которые показывали шесть пятьдесят пять.

– Эй, который час? – поинтересовался он у водителя такси.

– Шесть пятьдесят, – ответил таксист.

– Стой! Разворачивайся, – потребовал он, – кажется, мы едем в обратном направлении!

Люди практически спят, у них нет даже проблеска осознанности.

Однажды случилось...

За пять лет это была его первая роль, которую ему удалось заполучить в пьесе. Правда это была лишь маленькая роль, немногословная, но ведь это было началом. Главный герой должен был выйти на сцену и сказать: «Ты видел, как убили этого человека?» Его роль заключалась в том, чтобы просто посмотреть главному герою прямо в глаза и ответить: «Да».

Четыре недели он репетировал это слово: «Да, да, да», изучая ораторское искусство, отрабатывая мимику и интонацию. И вот настал этот великий день. Главный герой появился на сцене, взглянул на лежащее на полу тело, посмотрел на актера и спросил: «Ты видел, как убили этого человека?»

Глядя прямо в глаза главному герою, он четко произнес: «Кто, я?»

Люди совершенно не бдительны. Они находятся в состоянии сна. Какая-то тупость, туман окутывает ваше существование. Вокруг вас сильный туман, и вы в замешательстве. Очень редко вы становитесь действительно бдительными, очень, очень редко. Эти моменты так редки. Гурджиев говорил, что если такие моменты случались в жизни человека семь раз, то это больше, чем можно ожидать. Очень редко.

В ситуации большой опасности иногда вы становитесь бдительными. Например, кто-то подходит, чтобы убить вас, и приставляет к вашей груди револьвер – тогда на одно мгновение туман рассеивается. Смерть дышит в лицо. Или, если вы ведете машину на скорости девяноста, ста миль в час, и вдруг внезапно на повороте вы видите, что теперь все кончено, на какое-то мгновение авария кажется неизбежной, абсолютно неизбежной – тогда туман рассеивается. Отсюда и тяга к опасности: потому что только в опасности вы все-таки иногда чувствуете, что вы есть. Отсюда привлекательность войны: когда люди идут на войну и играют со смертью, иногда им удается почувствовать редкие моменты пробуждения. Но в других ситуациях, в обычной комфортной, удобной жизни люди не перестают храпеть.

Путешественник спросил у пьяницы, как пройти на почту. Пьяница был старожилом города.

«Так, пройдите два квартала и поверните направо... Нет, вам нужно пройти два квартала и повернуть налево... Нет, это тоже неверно, пройдите вверх по этой улице один квартал, поверните направо и пройдите один квартал... По правде говоря, мистер, я не думаю, что вы вообще сможете добраться отсюда до почты».

Люди живут в подобном тумане. И не только тогда, когда вы выпиваете, вас окружает туман – в любой момент вы употребляете тысячу и одну разновидность алкоголя. Кто-то сходит с ума из-за денег, тогда деньги – это его алкоголь. Кто-то помешан на власти – тогда он пьет власть и становится пьяницей. Есть разные виды сумасшедших людей. Но у каждого есть свой особый вид алкоголя, который опьяняет его.

Видели ли вы глаза скопца, когда он смотрит на свои деньги? Он смотрит на деньги как на свою возлюбленную. Он прикасается к деньгам с такой нежностью. Он трогает сторупиевую банкноту с такой любовью и заботой. Когда есть деньги, он забывает весь мир.

Понаблюдайте за политиком – он помешан на власти. Он опьянен. Ему не нужно принимать никакие алкогольные напитки, ему не нужно принимать никакие наркотики, он уже находится в состоянии наркотического опьянения от власти. Он может даже выступать против алкоголя и против наркотиков, он может пытаться установить в стране запрет, но сам он пьян. И, конечно, алкоголь, произведенный властью, более опасен, чем любой алкоголь, произведенный из винограда. Эти маньяки власти – по-настоящему опасные люди в мире.

Но все пьяны. Они пьют разные виды напитков, но они пьяны. Суфий – это тот, кто не пьян, вот что имеет в виду Увайс, когда говорит: *«Да, но сколькие из них чувствуют это?»*

Запомните, есть отличие. Если бы тот же самый вопрос был задан Бодхидхарме или Ринндаю, они бы ответили: *«Сколькие из них осознают это?»* Увайс говорит: *«Сколькие из них чувствуют это?»* Таково различие между двумя основными путями – путем осознанности, медитации и путем любви, чувств.

Суфизм – это путь любви, чувств. Если бы спросили Бодхидхарму, он, должно быть, ответил бы: *«Сколькие осознают это?»* Он бы использовал слово «осознавать», не «чувствовать». Ни один мастер дзен не использовал бы слово «чувствовать» – таково базовое различие, в остальном отличий нет.

Суфизм – пробужденность сердца, пробуждение чувств. Коран говорит: «Не глаза слепы, но сердца». Под сердцем подразумевается тот дар, который воспринимает трансцендентальное, возлюбленного. Суфии известны как те, которые имеют сердца. Ал-Халладж Мансур говорит: *«Я видел моего Бога глазом сердца. Я спросил его: „Кто ты?“ – и он ответил: „Ты“»*.

Глаз сердца… Помните: суфизм – это путь любви. Он более танцующий, чем дзен, он более поющий, чем дзен, он более празднующий, чем дзен. Вот почему страны, где развивался суфизм, создали лучшую и самую прекрасную поэзию, которая когда-либо существовала в мире. Персидский язык стал таким поэтичным, он создал величайших поэтов мира. Сам язык стал поэтичным, сам язык стал очень сочным – потому что о Боге думают как о возлюбленной.

Это тоже необходимо понять – последнее на сегодня. Для последователей дзен нет Бога, ваша собственная осознанность – это высшее. Дзен появился в озарении Гаутамы Будды. Суфизм появился из любовного романа между Мухаммедом и Богом.

Однажды случилось…

Шел шестьсот десятый год нашей эры. Мухаммед был в пещере на горе Хира. Он получил первый духовный опыт и боялся, что стал либо сумасшедшим, либо, как он выразился, поэтом. Он пошел к своей жене, дрожа от страха, и сказал: *«Горе мне. Поэт или одержимый?»* Он даже подумал о том, чтобы сброситься с высокой скалы, чтобы убить себя. Это было таким шоком, это было таким великим напряжением любви. Три дня он дрожал, не переставая, как будто у него была сильная, опасная лихорадка.

Страх заключался в том, что он думал, что либо стал поэтом, либо сошел с ума. Из этого переживания Мухаммеда берет начало река суфизма. Он все время оставался одновременно поэтичным и одержимым. Он был и тем, и другим. Он стал поэтом, и он стал одержимым. Он сошел с ума, и он стал мистиком.

Должно быть, вы слышали о прекрасной суфийской легенде о Лейли и Меджнуне. Это не обычная история любви. Имя «Меджнун» означает сумасшедший, помешанный на Боге. А «Лейли» – это символ Бога. Суфии думают о боге как о возлюбленной, «Лейли» значит возлюбленная. Каждый – Меджнун, а Бог – возлюбленная. Человек должен открыть свое сердце, глаза сердца…

Поэтому Увайс говорит: *«Да, но сколькие из них чувствуют это?»* Люди стали совершенно бесчувственными, они совсем не чувствуют. Они пренебрегают своим сердцем. Они не действуют через сердце, только через голову. Они избегают и продолжают избегать сердца. Поэтому кажется, что в жизни нет благословения. Только через сердце распускаются цветы,

только через сердце начинают петь птицы, только через сердце вы приходите к осознанию жизни не как сухой осознанности, но как празднования.

Суфизм – это великое празднование. Я приглашаю вас праздновать со мной.
Достаточно на сегодня.

Глава 2

Невидимые

Первый вопрос:

Ошо, суфизм появился как проявление бунта против официального ислама? Или он возник раньше ислама?

Он и то, и другое. Все, что живо, является и тем, и другим. Он очень древний и очень молодой – все вместе, одновременно.

Суфизм предшествует исламу, и в то же время он – уникальное, новое явление. Он – самая суть ислама, и в то же время он – восстание против официального ислама. Так происходит всегда. Дзен – это также и то, и другое – и самая суть буддизма, и восстание против организации.

Это необходимо понять. Всякий раз, когда появляется человек, подобный Будде или Мухаммеду, расцветает самое существенное. Но рано или поздно человеческий ум превращает это в организацию. Это естественно, потому что человеку нужно за что-то цепляться. Человеку нужна удобная псевдореальность, потому что подлинная реальность непредсказуемо меняет его. Реальное опасно. Человеку нужно что-то, что только выглядит реальным, но не является реальным. Ему нужна игрушка для забавы. Поэтому существует церковь, существует организация, она создает видимость, что происходит что-то настоящее. Она может доставлять вам удовольствие, вы можете наслаждаться игрой эго, оставаясь при этом прежними. Она не проникает в вас, совсем вас не меняет. Вы ничем не рискуете.

Если человек по-настоящему погрузится в молитву, он умрет. Он больше никогда не вернется прежним. Он вернется, но абсолютно другим человеком. Тот, кто ушел в молитву, никогда не вернется. Возникнет что-то новое, что-то, что никогда не существовало ранее, что-то, что разрывает связь с прошлым. Вы потеряете себя и только так обретете подлинного себя. Подлинная молитва опасна, она – смерть и воскрешение.

Поэтому человек очень хитер – он творит ложную молитву. Он превращает молитву в ритуал, он притворяется, что молится. Он только совершает жест, пустой жест – в нем нет его сердца. Он идет в мечеть, в храм, в церковь, он вроде бы молится. Но он знает, что обманывает, он знает, что его в этом нет. И тем не менее, это наделяет его некой респектабельностью. Люди думают, что он религиозный человек. Это наделяет его неким кредитом доверия. Это формальный жест, он делает гладкой его социальную жизнь, он создает некую смазку – но не меняет его.

Поэтому всякий раз, когда появляется Мухаммед или Будда, в мир приходит реальное. Но реальное сводит вас с ума, реальное убивает вас. Только очень редкие люди, храбрые люди могут встретиться лицом к лицу с реальным.

А как же трусы? Им тоже хотелось бы наслаждаться... по крайней мере, идеей того, что они видели Бога, по крайней мере, идеей того, что они тоже пребывали в молитве, по крайней мере, идеей того, что они тоже религиозны. Как же на счет этих трусов? Ведь они очень многочисленны, большая часть человечества состоит из трусов. Эти трусы рано или поздно создают фальшивую религию. Христос – реальная религия, христианство – фальшивая религия. Мухаммед – реален, мусульманство фальшиво. Когда этой фальшивой, организованной религии становится слишком много, снова и снова появляются люди – храбрые люди – которые отстаивают свою правоту, которые говорят, что все это неправильно. Поэтому такие люди выглядят как бунтари. В действительности, они отстаивают сам дух. Мансур отстаивал дух

Мухаммеда, Омар Хайям отстаивал дух Мухаммеда, тысяча и один суфийский мистик снова и снова отстаивали дух Мухаммеда.

Но теперь вы видите, в чем заключается проблема. Каждый раз, когда кто-то отстаивает изначальный дух, он возрождает истинную религию – и ему приходится идти против организации, против фальшивой религии. Но фальшивая религия обладает большей властью – ведь за ней стоит массовое помешательство. Ее поддерживает массовый невроз. Она может убить, она может уничтожить. Она не может создавать, но может уничтожить Иисуса, Сократа, Мансура. Это для нее очень легко.

Эти люди – как цветы: очень хрупкие, а массовый невроз – как камень. Если бросить камень в цветок, то с камнем ничего не случится, но цветок будет уничтожен. Более высокое всегда уничтожается всякий раз при столкновении с более низким, запомните это. Если столкнутся поэзия и проза, поэзия будет уничтожена, не проза. Если столкнутся Бог и мир, Бог исчезнет, не мир. Если столкнутся похоть и любовь, любовь будет отравлена, не похоть.

Когда появляется неизвестное, когда высшее приходит в этот мир, оно приходит как цветок.

Да, в этом много бунтарства. Много бунтарства потому, что это – самая суть. Суть всегда бунтует. Мухаммед был бунтарем – всю жизнь его преследовали враги. Много раз его пытались убить. Всю свою жизнь ему приходилось бороться – мистик был вынужден стать воином, мистику пришлось растрачивать свою жизнь на то, чтобы быть воином. Ему приходилось носить с собой меч. И вот противоречие, парадокс – на своем мече он написал слова: мир, любовь. Из-за безумных людей любовь была вынуждена носить меч. Из-за невроза мир был вынужден ходить с мечом.

Мухаммedu приходилось вести непрерывную войну, он боролся и боролся. Вся его жизнь была растрата в борьбе. Он мог принести больше цветов из неизвестного, он мог принести в этот мир больше божественного, но у него не было такой возможности.

И однажды Мухаммеда превратили в организацию – рано или поздно враг одерживает победу... тот враг, который боролся против Мухаммеда, становится священником. Подумайте об этом! Священники боролись против Мухаммеда – священники старой организации. Мухаммед возвращается назад суть религии, вечное. Тогда священник, который принадлежал к старой организации, воюет с ним. Если Мухаммед побеждает, то священник тут же переходит на другую сторону. Священник всегда находится на стороне победителя, трус всегда на стороне победителя. Священник переходит на другую сторону. Он говорит: «Ты обратил меня к себе». Он переходит в лагерь Мухаммеда.

Но у него те же старые уловки, тот же старый ум. Он начинает играть в ту же игру. Может быть, пока Мухаммед жив, ему не удастся этого сделать, но как только Мухаммеда не станет, ему будет очень легко воссоздать свою старую организацию под новым именем Мухаммеда. Потом снова, когда другой суфийский мистик возвратит Бога, он станет другом Мухаммеда и врагом мусульман. Этот парадоксечен.

Это и то, и другое, религия – всегда и то, и другое. Посмотрите на меня. Все, что я говорю, – есть суть религии. Это религия Будды, Христа, Моисея, Мухаммеда, но при этом все священники настроены против меня – все священники. Они могут не соглашаться в чем-то другом, но они соглашаются в одном – все они солидарны в своей враждебности по отношению ко мне. Мусульманский священник соглашается с индуистским. Они больше ни в чем друг с другом не согласятся, но с тем, что я не прав, соглашаются оба. Христианин соглашается с джайном. У них нет ничего общего, их вероучения ни капли не похожи, но в одном они солидарны: если им нужно будет осуждать меня, они все будут заодно.

Что бы я ни говорил вам, это является самой сутью всех их религий, но они противятся этому. Они притворяются, что поддерживают религию, они притворяются, что являются защитниками, но они – враги. Организация – враг религии. Но это происходит благодаря есте-

ственному ходу вещей, потому что человек глуп. Организации неизбежно возникают. Снова и снова. И снова и снова кто-то должен вставать на защиту религии и бунтовать.

Есть одна прекрасная притча...

Иисус возвращается в мир спустя восемнадцать столетий, чтобы проверить, как там идут дела. Он полон надежд. Он думает: «Теперь почти половина Земли – христиане, теперь меня примут с распростертыми объятиями. Когда я оказался на Земле впервые, люди были настроены враждебно по отношению ко мне, потому что не было христиан, некому было принимать меня. Были лишь иудеи, которые и убили меня».

Итак, он возвращается с большой надеждой. Он спускается в Вифлеем воскресным утром. Естественно, он выбирает воскресенье – христиане празднуют, они будут выходить из церкви и встретят его прямо напротив церкви.

Люди выходят, а он ждет с большой надеждой. Но люди собираются вокруг него и начинают смеяться, они начинают высмеивать его. Они говорят: «Ты отлично играешь. Ты выглядишь совсем как Иисус».

Он отвечает: «Я и есть Иисус!»

Они смеются и говорят: «Иисус только один. Это святотатство – называть себя Иисусом. Ты похож на него, но как ты можешь быть им? Тебе лучше уйти отсюда, прежде чем выйдет священник. Если он тебя поймает, у тебя будут неприятности».

Но Иисус говорит: «Он – мой священник. Если вы меня не узнаёте, это нормально – вы мирские люди. Но он – мой священник, постоянно читающий мои писания, думающий, размышляющий о том, что я сказал раньше, все время говорящий обо мне. Уж он меня узнает. Вот увидите!»

Они смеются и говорят: «Ты не прав. Уноси отсюда ноги, иначе у тебя будут неприятности».

И тут появляется священник: те люди, которые даже не поклонились Иисусу, прикасаются к стопам священника, с большим благоговением расступаются, чтобы позволить ему пройти. Священник входит в круг, смотрит на молодого человека и говорит: «Спустись на землю! Следуй за мной, зайди в церковь. Ты что, сошел с ума? Что ты задумал?»

Иисус отвечает: «Вы меня не узнаете?»

Но священник заводит его в церковь, заключает в темную келью, запирает ее на замок и исчезает. Лишь в полночь он возвращается. Весь день Иисус размышляет: «Что будет? Я снова буду распят своими же людьми, христианами? Это уж слишком». Он не может в это поверить.

Посреди ночи входит священник с маленькой лампадой в руке. Он падает к ногам Иисуса и говорит: «Я сразу узнал тебя. Но, пожалуйста, пойми: ты не нужен. Ты выполнил свою работу, и мы прекрасно справляемся дальше. Ты доставляешь так много беспокойства. Если ты снова явишь себя, то все расстроишь. Это было для нас тяжелым трудом. Мы боролись на протяжении многих веков, но постепенно все наладили. Половина человечества обращена в нашу веру, еще половина движется к этому. Просто подожди. Тебе не нужно приходить! Мастер, ты не нужен, нас, слуг, достаточно. Просто присытай сообщения».

Иисус говорит: «Я счастлив, что ты, по крайней мере, признал меня».

Священник отвечает: «Да, я могу признать тебя, когда мы одни, но я не могу признать тебя перед массами. А если ты будешь настойчиво создавать проблемы, мне жаль, но тогда мне придется распять тебя так же, как это сделали с тобой иудеи, – потому что священник должен заботиться об организации. Я – часть организации, иудейской ли, христианской ли – не важно. Я вынужден спасать церковь. Если между тобой и церковью возникнет какой-то конфликт, то я буду на стороне церкви – я служу церкви. И это правильно. Ты живешь на небесах, ты наслаждаешься жизнью там, а мы живем здесь. Все гармонично. В твоем втором пришествии нет никакой необходимости, первого было достаточно».

Суть религии всегда будет противостоять организованной религии. Суфии – само сердце, но сердце неизбежно будет против ума, интеллекта. Священник живет головой, молитвенный человек живет сердцем. Они – две противоположности, даже их языки отличаются. Их языки настолько различны, что священник совсем не может понять язык сердца. Он может разворачивать теории, он обладает отличной подготовкой во всем, что касается доктрины. У него очень законопослушный ум, он очень хорошо осведомлен. Но если речь идет о сердце, то его сердце – это пустырь: ничего не растет, ничего не цветет, ничего не течет.

Голова не может понять сердце. Сердце может понять голову, потому что сердце глубже, чем голова. Человек сердца может понять человека головы, может испытывать к нему сострадание, но человек головы не может понять человека сердца. То, что ниже, не может понять то, что выше, но то, что выше, может понять то, что ниже. Человек, сидящий в долине, не может понять человека, сидящего на вершине горы. Но человек, сидящий на вершине горы, может понять того, кто живет в долине.

Поэтому люди сердца так полны сострадания. Они понимают. Они понимают, почему священники настроены против них; они понимают, почему большая часть человечества не способна их понять.

Позвольте мне рассказать вам еще одну историю.

Один человек во время прогулки увидел улитку, которая заблудилась в трещине на стене, и без какой-либо особой причины он сказал ей: «Привет, улитка».

По странному стечению обстоятельств улитка умела говорить, и она ответила: «Привет». При этом она стала вращать глазами на своих рожках, пытаясь увидеть, кто это ей встретился.

Человек удивился: «Ты слышишь меня?»

Улитка сказала: «Да, конечно. А ты вообще кто такой, что такое?»

«Ну, я человек».

«А что это?»

«Ну, мы чем-то похожи на вас. Например, у вас на рожках глаза, а у нас рожки с другой стороны».

«С другой стороны? И для чего же?»

И человек ответил: «Для того, чтобы очень быстро передвигаться».

«Ты меня по-настоящему удивляешь. А есть ли у вас еще какие-нибудь особенности?»

«Ну, ты знаешь, что у тебя на спине есть дом?»

«Да, да».

«Ну вот, а у нас такого нет. У нас много-много домов, и мы входим и выходим из них, можно сказать, когда захотим».

«Вы и вправду чрезвычайно удивительные существа. Есть ли у вас еще что-то необычное?»

«Ну, как сказать, мы – люди, а человек может взять что-нибудь вроде листа – ты знаешь, что такое лист?»

«Да, да, я знаю».

«В общем, он может оставить следы на листе, передать лист другому человеку, который отдаст лист третьему человеку, который сможет по следам на листе понять, о чем думал первый человек».

«Ага! – воскликнула улитка. – Так ты один из этих?!»

Человек пожал плечами: «Что ты имеешь в виду?»

«Ты – лжец! – сказала улитка. – Проблема с вами, лжецами, в том, что вы говорите неправду, потом говорите еще большую неправду, а затем, в итоге, обманываете самих себя».

На разных планетах существуют разные языки. Суфий говорит на языке сердца, а священник говорит на языке головы. Священник говорит на языке знаний, а суфий говорит на языке любви. Они не встречаются, они не общаются. Общение невозможно. Священник слеп

– он никогда не видел света, он только верит в него. Суфий видел свет, это больше не вопрос веры. Он это знает.

Попытайтесь понять этот парадокс. Люди, которые думают, что знают, не знают; хорошо осведомленные люди не знают, потому что не видят. А люди, которые любят и совсем не говорят о своем знании, знают, потому что они видят. Любовь открывает глаз сердца. А когда вы способны видеть, никакое верование не может вас удовлетворить. Тогда само ваше видение станет разрушительным для всевозможных верований.

Если вы видели, тогда вы не можете признать, не можете согласиться с глупыми представлениями о свете. Слепой человек может иметь только глупые идеи о свете. У него не может быть правильного представления. Как у него может быть правильное представление? У него нет глаз. Что бы он ни знал о свете, будет неверно. Он даже не видел темноту – что уж говорить о свете? Слепой человек не может видеть даже темноту.

Никогда не думайте, что слепые люди живут во тьме. Нет, это для них невозможно. Даже для того, чтобы видеть темноту, нужны глаза. Чтобы что-то видеть, нужны глаза. И нет никакого способа объяснить слепому, что такое свет. Вы не можете пользоваться даже темнотой, вы не можете сказать: «Свет – это противоположность темноты». Он даже не знает, что такое темнота. Это невозможно донести до слепого человека. Единственный способ – помочь ему увидеть, единственный способ – помочь ему открыть глаза. Например, если его глаза нуждаются в каком-то лечении, вы можете использовать лекарство. Будьте врачом для его глаз. Бесполезно продолжать давать ему объяснения, философские учения, писания. Они лишь сильнее его запутают, еще больше собьют его с толку.

Суфий – бунтарь, потому что суфий видел. И, естественно, ему всегда будет трудно объяснить это людям. Вот почему суфии не верят в объяснения. Если вы приходите к суфию, он начинает давать вам методы, не учения. Вот почему их называют «люди пути». Они дают вам метод. Они говорят: «Работай с методом. Если метод проникнет глубже, изменит твое сердце, откроет твое существо, ты познаешь». Они не предложат вам ни одной догмы, ни единого принципа – у них их нет. У них есть только методология. Она очень научна. Они дают вам вкус. Это трудная, тяжелая работа.

Если вы приходите ко мне и спрашиваете: «Что есть истина?», я могу что-то ответить – и за какие-то минуты моя работа будет выполнена. Я сказал вам, вы узнали, все кончено. Ни я вам ничего по сути не сообщил, ни вы ничего не поняли, но в вас возникла мысль, что теперь вы знаете, и теперь вы будете ходить с этой мыслью.

Если вы по-настоящему заинтересованы, мне придется дать вам прием, а не догму. Мне придется дать вам медитацию, а не принцип; мне придется инициировать вас в вашу внутреннюю лабораторию; мне придется медленно, медленно погрузить вас в более глубокие воды вашего существа. Постепенно вы начнете чувствовать, видеть – вы станете более чувствительными, более бдительными, более осознанными, и что-то начнет проникать сквозь ваш толстый слой бессознательного. Несколько лучей осторожно освещат вашу «темную ночь души», и тогда вы познаете.

На работу суфия уходят годы. Суфии не проповедуют. Конечно, они учат, но они не проповедуют. И когда они учат, они обучают методам, а не принципам. Чтобы следовать методу, человек должен пребывать в настоящем поиске – потому что иногда на это уходит двенадцать лет, иногда двадцать лет, иногда вся жизнь. Иногда же требуется и несколько жизней.

Те люди, которые ищут мгновенного просветления, не могут найти контакта с суфием. Поэтому суфии все время прячутся. Они не заявляют о себе, но остаются невидимыми. Они доступны только для тех, кто по-настоящему ищет, кто находится в настоящем поиске.

Очень трудно найти суфийского мастера, хотя он может жить прямо в соседнем доме. Он может заниматься такими обычными вещами, что вы и не поверите. Он может быть ткачом, он может быть сапожником, он может управлять отелем или заниматься любой другой

работой. Вы можете даже не подозревать, что суфийский мастер живет прямо за углом. Вы можете встречать его каждый день, и у вас не будет ни малейшего представления о том, что это за человек – если вы не ищущий. Если вы ищущий, тогда постепенно вас будет вести к нему. Фактически, если вы ищущий, он сам выберет вас. Он будет следить за вами. Он не позволит вам следить за ним, но сам будет следить за вами, он будет видеть. И если он почувствует, что рядом с ним ищущий, тогда постепенно он создаст для вас возможность увидеть его. Он может стать видимым, если захочет.

Есть знаменитая история.

Однажды известного суфия спросили: «Что значит быть невидимым?»

Он сказал: «Я отвечу на этот вопрос, когда появится возможность показать это на примере».

Суфии верят в демонстрацию на примере, и они верят в возможности. Они не скажут ни единого слова, если не появилась возможность, если нет нужной ситуации. Вы можете задать мастеру вопрос, и он скажет: «Подожди, когда будет подходящая возможность, тогда я тебе покажу», – потому что он не верит в слова, он верит в наглядный пример.

Он сказал: «Я отвечу на этот вопрос, когда появится возможность показать это на примере».

Спустя какое-то время его и того, кто задавал ему вопрос, остановил отряд солдат. Солдаты сказали: «Нам приказано брать всех дервишей под стражу – так как правитель этой страны говорит, что они не хотят повиноваться его приказам, и что они говорят вещи, которые могут возмутить общественное мнение».

Суфий ответил: «Значит, вам следует так поступать, потому что вы должны выполнять свой долг».

«А разве вы не суфии?» – спросили солдаты.

«Устройте нам проверку», – ответил суфий.

Офицер достал суфийскую книгу… книгу, которую суфии чрезвычайно уважают. Она называется «Книга книг». В ней написано всего несколько предложений, в остальном она пуста.

«Что это?» – спросил суфийский мастер, как будто бы он даже не узнал книгу. Солдаты принесли книгу, которая выдаст суфия: как только суфий увидит «Книгу книг», он должен склониться перед ней. Ведь это их святыня.

Суфийский мастер сказал: «Что это?» – как будто бы он не узнал книгу. Потом он посмотрел на обложку и сказал: «Я понял, это то, что я сожгу прямо перед вами, раз вы этого еще не сделали». Он поджег книгу, и солдаты, удовлетворенные, ушли прочь.

Спутник суфия спросил: «Зачем же вы так поступили?»

«Чтобы сделать нас невидимыми, – ответил суфий, – потому что для человека мира быть видимым значит выглядеть как тот, на кого ты должен походить согласно его ожиданиям. Если ты выглядишь иначе, твоя истинная природа становится для него невидимой».

Суфийский мастер продолжил: «Я стал невидимым для этих солдат, потому что они не могли поверить, что суфий может сжечь такую книгу. Они имеют определенные ожидания – что все суфии как один благоговеют перед этой книгой. В тот момент, когда я сжег книгу, мы перестали быть суфиями. Мы стали невидимыми».

Так суфии становятся невидимыми для людей. Вы не ожидаете того, что они сделают. Гурджиев обучался своим приемам становиться невидимым от суфийских мастеров. Гурджиев был суфийским мастером на Западе, одним из суфийских учителей, проникших в западное сознание. Он оставался невидимым для толпы, он обладал такими техниками превращения в невидимку, что в одну секунду он мог становиться видимым и в одну секунду мог становиться невидимым. Иногда случалось так, что к нему на встречу приходили двое. Если ему хотелось, чтобы один видел его, а второй не видел, он становился видимым для одного и невидимым для

другого. При этом они оба продолжали с ним разговаривать. Он так отточил свое мастерство, что одной стороной лица мог выражать одну эмоцию, а второй стороной – другую.

Например, если он не хотел, чтобы вы его видели, он принимал такой ужасный, такой жестокий вид, что вы не могли поверить, что суфийский или любой другой мастер может быть таким жестоким. Если же он хотел быть для вас видимым, он выглядел таким сострадательным, таким любящим. И он мог проделывать это одновременно для двоих человек. И один из них уходил, полностью убежденный в том, что «это – мастер», а второй уходил, думая: «Больше я никогда не пойду на встречу с этим человеком. Он похож на убийцу, быть с таким человеком опасно».

Суфии живут очень, очень скрытной жизнью, и этому есть причина – они хотят жить только истинной религией. Если вы хотите стать видимыми, вам приходится делать множество вещей. Например: я здесь, но для людей Пуны я невидим. Я сделал себя совершенно невидимым, даже для тех людей, который живут прямо по соседству. Для них я невидим. Они не видят. Для них видение невозможно. Я видим только для тех, кто ищет. Те, кто ищет, могут приезжать за тысячи миль, а те, кто не ищет, могут жить рядом, оставаясь там, оставаясь уверенными в том, что я дурной человек.

Хорошо, что это так, потому что это помогает мне работать только над теми людьми, которым нужна работа. Энергии не растрачиваются впустую.

Суфиев не интересуют толпы. Ни один мастер никогда не был заинтересован в толпе. Мастеров интересуют только индивидуальности, и только те индивидуальности, которые находятся в настоящем поиске, подлинном поиске. Избегать ненужных людей – просто, так же просто – привлекать нужных людей, которым нужна помощь... при помощи нескольких вещей. Люди так нечувствительны – при помощи такой простой вещи вы можете стать невидимыми, потому что люди не смотрят вглубь, они смотрят только на поверхность.

Второй вопрос – в точности о том же, о чем я говорил с вами:

Ошо, почему суфии намеренно маскируются и прячутся?

...Потому что они хотят, чтобы их энергии использовались правильно, потому что они – творческие люди. Их не интересуют имя и слава, их не интересует ничто другое; они заинтересованы только в том, чтобы дать новую жизнь людям, жаждущим Бога, стремящимся к Богу. Почему они должны впустую тратить свои время и энергию?

В мире много разных типов людей. Некоторые просто любопытны, они приходят из любопытства, но лишь напрасно тратят время. Затем есть те, кто приходит с вопросами. Они лучше, чем любопытные люди, есть вероятность, что они могут чего-то достичь, но это только вероятность. И есть третий тип – настоящий ищущий, который готов поставить на карту свою жизнь, который готов ради этого на жертву, который готов заплатить за это.

Суфий будет работать с третьим человеком, он останется доступным и для второго типа людей, но станет абсолютно невидимым для первого типа людей – любопытных.

Суфий очень экономно подходит к своей энергии. Он знает, что не может долго существовать здесь, его дни сочтены. И за этот короткий срок, что он проведет здесь на земле... Просветленный человек не будет возвращаться снова, он здесь лишь на короткое время, даже если это тридцать, сорок, пятьдесят лет – это очень короткий срок, если сопоставить его с бесконечностью времени. Что значит пятьдесят лет в сравнении с бесконечным течением времени? Он пробудет здесь всего несколько дней, несколько месяцев, несколько лет, и он сможет поработать лишь над немногими людьми. Если его окружат любопытные люди, его энергии будут потрачены зря. Тогда он будет сеять свои семена в пустыне. Это будет неразумно, глупо.

Суфии – не глупые люди, они – очень мудрые люди. Они знают, как использовать свои энергии, поэтому они намеренно маскируются и прячутся. И мелочи оказываются полезными.

Это стало и моим методом. Когда я вижу, что вокруг меня скопилось слишком много людей определенного типа, и я хочу их отбросить – лишь один намек, всего один намек, и они исчезают. Однажды случилось так, что вокруг меня собралось много джайнов – просто из-за моего рождения, случайности моего рождения. Я родился в семье джайнов, поэтому естественно джайны интересовались мной. Не мной – их интересовал джайна, ставший просветленным. Их не интересовали я и мое просветление, они оказались в своеобразной ловушке этого.

Вскоре их стало слишком много, они растрачивали слишком много моей энергии и слишком много моего времени. Тогда я провел одну беседу – «От секса к сверхсознанию», и они все исчезли. Больше я их не видел. С того времени пятнадцать лет я их не видел.

Затем постепенно вокруг меня стало собираться много сторонников Ганди. И я увидел, что снова разрастается пустыня. Это сорняки, их нужно постоянно вырывать. Вам нельзя отдохнуть, если вы по-настоящему заинтересованы в саде и в розах, а оранжевые люди – это мои розы. Если вы по-настоящему заинтересованы в розах, вам придется постоянно выдергивать сорняки. Ведь они появляются снова и снова.

Так и со сторонниками Ганди. После всего нескольких высказываний против Ганди они быстро покинули меня. Так легко становиться невидимым для людей. Теперь меня для них вовсе не существует. Меня практически нет. Они совсем забыли обо мне. Сорняки необходимо отбрасывать.

Мастер должен становиться невидимым снова и снова для людей определенных типов, чтобы он и его энергии оставались доступными для тех, кто по-настоящему ищет.

Что я имею в виду, говоря «настоящий ищущий»? Я имею в виду того, кто готов рисковать всем, чем бы ни пришлось рисковать, у которого не просто «зудит» в голове, кто не только любопытен, но чья проблема – вопрос жизни и смерти. Даже если я заявлю, что потребуется ваша жизнь, если вы – ищущий, то вы скажете: «Я готов. Возьми эту жизнь, но дай мне Бога. Если, отдав свою жизнь, я постигну Бога, тогда я без колебаний готов». Жизнь ничего не стоит для ищущего, ничто не имеет ценности – кроме истины.

Вот почему суфии продолжают прятаться. И помните: это только половина истории. С одной стороны, они постоянно прячутся, с другой, они открывают себя для тех, кто находится в поиске. О второй стороне известно немного. Но эта вторая часть – крайне важна. В действительности, первая часть нужна лишь для второй части, иначе какой смысл в том, чтобы становиться невидимым? Если вы просто станете невидимыми для людей, тогда вы практически мертвые, тогда вы – в могиле. Поэтому, с одной стороны, вам нужно стать невидимыми – для тех, кто бесполезен, и вам нужно все более и более открывать себя для тех, кто находится в поиске. Эти два действия осуществляются параллельно, одновременно.

Я не передвигаюсь по Пуне, вы никогда не увидите меня на улицах Пуны, я никуда не хожу. Меня не интересуют толпы. Я просто исчез из мира. Я создал свой собственный мир – альтернативное общество. Уже приближаются те дни, когда я создам абсолютно автономный собственный мир, где каждый человек будет ищущим – только ищущим будет позволено входить. А затем эта маленькая коммуна станет невидимой для всего мира, затем мы исчезнем в самих себе, мы начнем работать над чем-то в глубочайшей сути бытия.

Но нужно отбросить многое, чтобы попасть туда. Нужно собрать воедино всю свою энергию, чтобы войти.

Третий вопрос:

Ошо, почему люди не верят в то, что во все времена проповедовали все великие мистики?

Они не понимают и не хотят понимать. Другой язык, другие принципы, другие желания.

Люди понимают только то, чего они желают. Ваш язык, по сути, уходит корнями в ваши желания. Ваше желание становится вашим языком.

Сексуально озабоченный человек понимает только язык секса. Сексуально озабоченный, извращенный, подавленный человек понимает только порнографию. Для сексуально удовлетворенного человека порнография будет выглядеть абсурдно. Он не понимает, почему, почему же люди так помешаны на ней.

Человека, желающего забыться, будут интересовать наркотики, но тот, кто знает красоту вспоминания себя, будет совершенно не способен понять, зачем людям погружать себя в наркотический дурман, почему они пытаются забыться. Помнить – это так невероятно радостно.

Суфии говорят, что есть два типа людей, или два человеческих состояния. Один они называют *гофил* – это люди, которые совершенно не помнят себя, пребывают во сне, бессознательные, и другой тип – люди, которые помнят, люди, у которых есть некоторое вспоминание своего существа. И у тех, которые ищут вспоминания себя, будет другой язык. Тот, кто ищет денег, знает только язык денег, тот, кто ищет мира, имеет другой язык. В мире есть множество языков, и все они зависят от ваших желаний.

Человек, начавший искать Бога, истину, безумен в глазах так называемых знатоков жизни. Мистики всегда считались сумасшедшими. В лучшем случае вы их терпите. А если они очень настойчивы, тогда вы начинаете поклоняться им – но вы либо терпите, либо поклоняетесь, они не затрагивают вашу суть. Вы остаетесь в стороне, нетронутыми. Вы сохраняете дистанцию.

В одной истории рассказывается о проповеднике, который отправился в горы, чтобы проповедовать там, и по прибытии он завязал разговор с первый встречным стариком.

«Ты христианин?» – поинтересовался проповедник.

«Не, господин. Христианин живет выше на холме», – ответил горный житель.

«Я интересуюсь, брат, не заблудшая ли ты душа?» – настаивал проповедник.

«Да нет вроде, – ответил горец, – я тут уже тридцать лет и знаю каждую козью тропу в горах».

«Ты не понимаешь, – сказал проповедник, – я имею в виду, готов ли ты к судному дню?»

«А когда он будет?» – поинтересовался горец.

«О, – ответил проповедник, – он может настать уже сегодня, а может и завтра».

«Ради бога, не говори моей женушке, – воскликнул горец, – а то она потащится смотреть и сегодня, и завтра».

Кажется, что общения нет. Проповедник говорит на одном языке, горец говорит на другом, хотя кажется, что они оба говорят на простом английском.

Вы можете говорить на том же языке, но в одном языке существует множество языков: внутри одного языка – другой, внутри второго – третий. Поэт говорит на одном языке, ученый говорит на другом, бизнесмен на третьем.

А мистик? Мистик говорит на языке абсурда, вот почему его не понимают. Он говорит бессмыслицу, именно бессмыслицу – потому что он говорит вещи, которые не понять умом. Он говорит вещи, которые не доступны для восприятия. Он говорит вещи, которые невозможно даже уместить в логическую форму, которые невозможно сформулировать умом. Он говорит о каких-то тайнах, размыто, туманно, абсурдно, потому что он говорит парадоксами.

Вся истинная религия парадоксальна. И мистик использует так много противоречивых понятий, что в итоге в ваших руках ничего не остается. Если вы спросите его, близок Бог или далек, он ответит: «И то и другое одновременно. Он ближе всего и дальше всего». Что вы из этого поймете? Или он может рассмеяться. Или он может остаться безмолвным. Он может не сказать ни единого слова.

Чтобы понять мистика, вам придется самим стать мистиками. Чтобы понять мистика, вам придется получить посвящение в мистицизм. Чтобы понять мистика, вам придется отбросить ваши старые схемы ума, старые способы мышления. Логическое мышление нужно отбросить. Вам придется стать нелогичными. Вам придется быть готовыми принимать также и нера-

циональное – потому что жизнь нерациональна, жизнь таинственна, и вы не можете уместить жизнь в догматичных формах.

Вы не можете сказать: «Бог есть», вы не можете сказать: «Бога нет» – потому что Бог – и то, и другое вместе. Он настолько всеобъемлющ, что «есть» и «нет» одновременно скрыты в его существе. «Естьность» – это его периферия, «не-естьность» – его самый центр. В самом центре Бог – ничто иное, как чистое ни-что. Отсюда – *ex nihilo* – все возникает. Мир – это всего лишь периферия; в центре нет ничего, или же есть только ни-что.

Когда мистики говорят такие вещи, вы их слышите, но как вы собираетесь это понять, если ничего подобного еще не начало происходить с вами?

Ты спрашиваешь: «Почему люди не верят в то, что во все времена проповедовали все великие мистики?» Еще одна причина… как вы можете поверить? Вы должны знать. Вера никак не поможет. Даже если вы верите, где-то в глубине вы будете не доверять, где-то в глубине вы будете сомневаться. Каждое верование несет в себе сомнение. Верование не поможет.

Более того, верование создает нечто совершенно противоположное. К примеру, те, кто верит, становятся очень серьезными. Их можно найти в храмах, в церквях, в мечетях. Люди, которые верят, становятся очень серьезными, а люди, которые знают, становятся очень веселыми. Мистики не верят – они знают. Они видели. Они прочувствовали на собственном опыте. И благодаря тому, что они прочувствовали Бога, их окружает некоторая игривость. Они существуют в радости. Возле них вы найдете танец. Если вы посмотрите им в глаза, вы увидите веселье, экстаз. Но если вы пойдете и посмотрите на человека, который верит, вы всегда обнаружите вытянутое лицо.

Я слышал…

Совсем юная девочка летом гостила в деревне у своей тети-святоши, чей пуританский подход проявлялся во всем. Каждый раз, когда маленькая девочка хотела что-нибудь сделать, ее тетя с вытянутым лицом говорила: «Не делай этого… нельзя этого делать».

Однажды племянница шла по дороге, очень несчастная, и увидела стоявшего возле забора мула с вытянутой мордой. Она подошла, похлопала его по голове и сказала: «Не расстраивайся, мистер Мул, у моей тети тоже есть религия».

У религиозных людей лица становятся очень вытянутыми. Религиозные люди становятся очень грустными. Религиозные люди перестают жить в мире, не начав жить в Боге. Они застряли посередине, отсюда их грусть. Притом религиозные люди не только сами грустят, они порождают все виды грусти также и в других людях. Они не выносят, когда кто-то счастлив. Если они найдут где-то счастье, они тут же придут, чтобы разрушить его, осудить его. Они против всех радостей. Они против даже самых невинных радостей. Эти люди отравили человечество.

Вера не поможет. Станьте мистиком, но не верьте в мистику. Станьте суфием, но не верьте в суфиев. Станьте мной, но не верьте в меня. Если вы верите в меня, значит, вы сбились с пути.

Какая необходимость верить? Когда вы можете попробовать на вкус, зачем в него верить? Вера означает, что вы откладываете. Вы говорите: «Да, сегодня я буду еще верить, а вот завтра наконец попробую на вкус». Но почему не сегодня? Почему не сейчас? Если вы чувствуете мою вибрацию, тогда вместо того, чтобы думать в терминах веры, начните думать в терминах проживания ее. Не верьте во что-то, пока вы это не испытали, иначе вы станете лицемером.

Это нужно использовать в качестве критерия: человек веры грустен, а человек знания неизмеримо счастлив. Тот, кто просто верит, – скучен, мертв, сморщен, заморожен, окостенел. А тот, кто знает, – движется, расцветает, его существо излучает благоухание. Он все время в движении. Он никогда не бывает в застое. Он всегда нов.

Пусть религией живут, а не верят.

Четвертый вопрос:

Ошо, однажды я полюбил женщину, но она меня отвергла, и с тех пор я несчастен. Я потерял всю надежду в жизни. Что мне делать?

Поразмышляй над этой историей...

Посетитель сумасшедшего дома увидел, как один из пациентов удовлетворенно раскачивается на стуле и тихо повторяет: «Лулу, Лулу...»

«Что случилось с этим человеком?» – спрашивает посетитель у санитара.

«Понимаете, Лулу – это женщина, которая ушла от бедняги к другому».

Выслушав это объяснение, посетитель пошел дальше и подошел к палате, обитой мягкой тканью, в которой пациент постоянно бился головой о стену и кричал: «Лулу! Лулу...»

«А почему и этот человек зовет Лулу?» – спросил посетитель.

«Ах, это как раз тот парень, за которого Лулу и вышла замуж».

Не будь таким несчастным. Просто найди того человека, за которого Лулу вышла замуж, и все твои несчастья исчезнут.

Последний вопрос:

Ошо, я верю в религию. Я следую всем предписанным нормам морали. Я всегда жил дисциплинированной жизнью – почему же я так несчастен?

Чего еще ты ожидаешь? Ты ожидаешь какого-то чуда? Если бы ты был счастлив, это было бы чудом – но чудес не бывает.

Это естественное следствие. Просто попробуй проанализировать свой вопрос. «Я верю», – этого «Я» слишком много. «Я верю в религию. Я следую всем предписанным нормам морали. Я всегда жил дисциплинированной жизнью – почему же я так несчастен?» Этого «Я» слишком много. А «Я» – это страдание. Когда «Я» исчезает, исчезает и страдание. Блаженство – это отсутствие этого, ничего более.

Но если ты непоколебимо веришь в религию, твое «Я» будет становиться лишь сильнее. Если ты живешь дисциплинированной жизнью, жизнью контроля, ты только украшаешь свое это. Если ты следишь всем правилам морали, естественно, твое это становится святым и благочестивым. А когда человек очень благочестив, это очень опасно. Ослабь силу своего «Я» – это первое.

И второе: не нужно непоколебимо верить в религию. Вера просто демонстрирует то, что ты не знаешь, и глубоко внутри где-то непременно должно быть сомнение. Как можно рассеять сомнение без знания? Ты можешь продолжать верить настолько сильно, насколько это возможно для человека, но вся сила будет только подавлять сомнение, она не может разрушить его.

Никакое сомнение никогда не разрушается силой, помни это. Силой ты можешь вытолкнуть его в бессознательное, ты можешь загнать его в основание своего существа, ты можешь загнать его так глубоко, что совершенно о нем забудешь, – но оно там. И чем глубже оно проникает, тем более оно там опасно. Оно будет влиять на все твое существо, на твои качества, оно будет воздействовать так скрытно, что ты даже не сможешь его распознать. Оно станет раковой опухолью в душе. Нет, пока ты не знаешь, остается сомнение.

Я слышал...

Когда покойный король Георг VI был мальчиком, однажды зимним утром он и его старший брат стояли, прислонившись носами к окну дворца, с завистью глядя на простых лондонских мальчишек, которые играли в снежки недалеко от дворца.

В конце концов соблазн стал слишком большим, и, улучив минутку, когда гувернантка вышла из комнаты, они надели шапки и пальто и выскоцкнули на улицу, чтобы присоединиться к счастливой компании.

В самый разгар игры один снежок угодил в окно дворца, и немедленно из дворца на всех парах выбежал стражник. Компания смущенных подростков и глазом моргнуть не успела, как оказалась в присутствии районного сержанта полиции.

«Как тебя зовут, мальчик?» – обратился сержант к тому, что стоял ближе всего.

«Меня зовут Эдвард, принц Уэльский», – ответил мальчик, надменно стоя по стойке смироно.

«Умник, да? – сказал сержант. – А тебя как зовут?» – спросил он второго парнишку.

«Меня зовут Георг, герцог Виндзорский», – ответил второй мальчишка.

К этому времени сержант был уже в гневе. «Я никогда в жизни еще не видел такой шайки обманщиков», – взорвался он.

«Ну а тебя как зовут?» – спросил он следующего приятеля.

Мальчишка немного помялся, потом, вытирая нос рукавом, ответил: «Я не брошу своих друзей, дяденька... Я архиепископ Кентерберийский».

Да, вы можете сказать, что вы архиепископ Кентерберийский, но глубоко внутри вы знаете, что это не так. А важно то, что вы знаете глубоко внутри. Если это так, это так. Тогда остается целостность, нет сомнений. Тогда вы целостны.

Но когда вы только верите, вы знаете, что это не так. Это создает раскол, вы теряете целостность. Возникает дуальность. Любая вера создает шизофрению. Как можно быть счастливым с шизофренией? Это невозможно.

Ты говоришь: «*Я следую всем предписанным нормам морали*». Но религия не имеет ничего общего с моралью. Религиозный человек – высоконравственный человек, но он не имеет ничего общего с моралью. Религиозный человек естественно нравствен, не потому что он следует предписанным нормам морали, религиозный человек естественно, спонтанно нравствен. У него нет никаких представлений о том, что хорошо и что плохо. Он никогда не выбирает, хорошее просто случается. Это – часть его религиозности.

В тот момент, когда вы понимаете, что вы – часть Бога, тогда вся аморальность исчезает. Не оттого, что вы ее отбросили, она просто не обнаруживается. А когда нет аморальности, зачем следовать моральным нормам? Только аморальные люди следуют моральным нормам, только аморальным людям необходимо следовать им. У нравственного человека нет никаких норм, которым бы он следовал, его нравственность проста и бесхитростна. Он хороший, потому что чувствует, что, когда ты добр, это приносит все больше и больше счастья. Он добр от счастья. Счастье приносит еще больше добра; больше добра приносит больше счастья в его жизни.

Ты будешь несчастлив, потому что в действительности тебе хочется быть аморальным. И тебе приходится сдерживать себя, ограничивать, тебе все время приходится заставлять себя быть нравственным. Ты ведешь себя неестественно. Ты несчастлив, и эти моральные вещи не удовлетворяют тебя. Они фальшивы. Они не делают тебя более счастливым.

Это так же, как если бы кто-то вместо еды ел меню. Еда удовлетворяет, но меню... вы можете его есть, но оно не насыщает. Это не еда. Правила, которыми вас наделили другие, – это меню, это бумажная еда, ненастоящая еда. Настоящая мораль возникает в вашем существе. Становитесь более медитативными, а не более нравственными. Мораль следует за медитацией. И тогда вы будете счастливы.

Ты говоришь: «*Я всегда жил дисциплинированной жизнью*». Слово «дисциплина» прекрасно, но оно стало неверно ассоциироваться с идеей контроля. Дисциплина (discipline) происходит от того же корня, что и ученик (disciple). Дисциплина означает «стать учеником». А ученик означает не что иное, как способность к обучению. Ученик – тот, кто готов обучаться.

Ученик – тот, кто имеет открытый ум. Ученик – тот, кто не стал закрытым, который не говорит: «Я знаю». Он говорит: «Я открыт, готов обучаться, знать больше. И я готов рисковать всем, что я знаю, если что-то неизвестное может быть познано».

Обучающийся – ученик, а ученик пребывает в дисциплине. Вы не можете быть учеником, пока вы не окажетесь рядом с мастером. И запомните этот парадокс: мастер никогда не навязывает вам дисциплину, мастер просто делает себя доступным для вас. Видя его, любя его, чувствуя его, в вас возникает дисциплина.

Помните, что не может быть установленной дисциплины для всех. Каждый должен найти свою дисциплину, потому что каждый так уникален, каждый так индивидуален. Если вы будете следовать мертвую дисциплине, вы будете накладывать на свое существо структуру. Вы не будете расти естественно, вы не будете вырастать в себя.

Если вы последуете дисциплине Махавиры… она была хороша для него, конечно хороша, но вы – не еще один Махавира. Другого больше никогда не будет. Бог никогда не повторяется. Бог всегда создает уникального человека. Нет двух похожих людей – никогда не было и никогда не будет. Да, у Мухаммеда была своя дисциплина. Она была прекрасна для него. Она была для него прекрасна только потому, что выросла из него; он никогда не следовал чьей-то дисциплине. Но если вы последуете ей, тогда это будет просто мертвая структура. Как может жизнь быть счастливой, если она как в клетку заключена в мертвую структуру?

Поэтому суфизм так настаивает на поиске живого мастера – потому что живой мастер не предложит вам мертвую структуру. Живой мастер даст вам только понимание вашего собственного существа. Живой мастер даст вам только видение того, что возможно. И тогда вы начнете работать самостоятельно. Каждый должен найти свою собственную дисциплину.

Запомните еще одну вещь. Даже когда вы нашли свою дисциплину, она не будет оставаться такой же, как характер. Вам придется откликаться на новые ситуации по-новому. Вы не можете просто носить в своем уме путеводитель, вы не можете продолжать вести себя в соответствии с этим путеводителем. Тогда вы не будете ответственны, тогда вы не научитесь отвечать на ситуацию, с которой сталкиваетесь, тогда у вас на все будет заготовленное правило – и счастье будет невозможным.

Счастье – это функция свободы. Только свободные люди – счастливые люди. Помните это всегда, всегда: свобода приносит блаженство, свобода приносит благословение.

Если ты несчастлив, это логично. Ты это заработал. Отбрось же свою веру, отбрось свою дисциплину, отбрось свои так называемые моральные нормы.

И когда я говорю отбросить это, не поймите меня неправильно – потому что иногда люди понимают неправильно. Кто-то спросил: «Я понимаю, когда вы говорите, что знание – это преграда. Следует ли мне сжечь все писания, которым я всегда поклонялся?»

Я этого не говорил. Не нужно сжигать писания, это не поможет. Ваш ум не изменится от сжигания писаний. Ваш ум будет прежним, вы найдете новую разновидность писаний. Может быть, я стану вашим писанием, но это будет то же самое. У вас будет что-то, за что можно зацепиться. Ваш ум хочет цепляться за слова, принципы, учения. Вместо того чтобы спросить о сжигании ума, вы спрашиваете о сжигании писаний. Что вам сделали эти несчастные писания? Зачем на них так злиться?

Ты напомнил мне одного мужчину, который трижды, приходя домой, заставал свою жену на диване с другим мужчиной. Он решил, что с него хватит, и выбросил диван. Но какое отношение ко всему этому имеет диван?

Вы можете сжечь писания, вы можете выбросить правила, но вы снова что-то найдете. Ситуация не меняется так легко. Что-то должно измениться внутри вас.

Всегда помните, что все, о чем я здесь говорю, относится к вашему сознанию, относится к вашему сокровенному центру. Делайте что угодно, внешнее не имеет значения. Писания

настолько бесполезны, что от их сжигания вы ничего не получите. Они не имеют особой ценности. В них нет вообще никакой ценности.

Но сожгите ум, который цепляется за писания, сожгите ум, который хочет на что-то полагаться, сожгите ум, который избегает ответственности, сожгите ум, который ищет мертвых, застывших правил, который так одержим чем-то неизменным и так боится свободного течения, боится динамики. Почему бы не проживать жизнь со свободным сознанием? Почему бы не жить жизнью без правил? Вы жили жизнью с правилами и чувствуете себя несчастными, тогда единственное, что можно сделать, это радикально измениться. Теперь начните жить жизнью без правил.

Почему люди цепляются за правила? Потому что жить свободно значит, что человек должен быть очень осознанным. Эти правила дают вам возможность не быть осознанными. Вы можете опираться на них, вам не нужно быть осознанными. Если кто-то что-то говорит, у вас есть готовый ответ. Вам не нужно быть внимательным к тому, что говорится, вам не нужно творчески подходить к своему ответу, у вас уже есть ответ. Вы можете продолжать спать и при этом вполне способны ответить.

Вот что случилось в церкви...

Священник попросил: «Поднимите руки те, кто готов отправиться в рай или хочет попасть в рай».

Все подняли руки, кроме одного человека, который спал глубоким сном, похрапывая.

Тогда священник сказал еще громче, чтобы разбудить его: «А теперь те, кто хочет попасть в ад, встаньте». И он прокричал это так громко, что тот человек просто подскочил с места.

Он не слышал, о чем говорили, но, оглядевшись по сторонам, обнаружил, что стоит лишь он и священник. И тогда он сказал: «Сэр, я не знаю, за что мы голосуем, но, кажется, у нас с вами одно и то же мнение».

Такова ситуация. Люди глубоко спят, похрапывая, а жизнь продолжается. С фиксированными правилами есть безопасность, комфорт, удобство. Отбросьте этот комфорт, отбросьте это удобство, отбросьте эту безопасность, начните жить опасной жизнью. А жизнь есть жизнь, только когда вы живете опасно, когда она – великое приключение, постоянное исследование неизвестного.

Не придерживайтесь никаких правил – это то, что подразумевается под сжиганием писаний. И не придерживайтесь никаких застывших дисциплин. Оставайтесь доступными и действуйте, не реагируйте. Действуйте из своего сознания. Будьте зеркалом, действуйте из этого подобного зеркала сознания, и вы будете счастливы, вы будете невероятно счастливы.

Это счастье принадлежит вам просто оттого, что вы попросили. «Стучите, и двери откроются вам. Просите, и будет вам дано. Ищите и обрящете». Это все ваше просто потому, что вы попросили.

Достаточно на сегодня.

Глава 3

Тарикат – метод

Шейха Фируза, почитаемого как учителя многих выдающихся суфиев, часто спрашивали, почему он не умел их быстрее.

Он отвечал: «Потому что даже самый преданный будет до определенной точки понимания оставаться совершенно не обучаемым. Он здесь во плоти, но во всем остальном он отсутствует».

Религия существует в трех измерениях. Это – первоисточник понятия о Троице или индуистском представлении о *тримурти* – трех лицах Бога.

Также можно сказать, что религия существует на трех уровнях, потому что человек существует на трех уровнях. Человек существует как тело, как ум и как душа. Религия тоже имеет тело, ум и душу. Если вы существуете только как тело, вы не можете понять никакую религию, кроме внешней. Если вы существуете на психологическом уровне – как ум, как психика – тогда вы можете понять второй слой религии, иначе – нет. И только пока вы не начнете существовать как душа, невозможно прийти к встрече с самой сердцевиной религии – *тасаввух*, предельным, тем, что ищут суфии.

У суfiев есть три названия для этих трех уровней. Их необходимо понять, они очень важны.

Первый называют *шариат*. Шариат означает тело религии. Оно может быть живым, может быть мертвым – возможно и то, и другое. Пока Будда жив, жив шариат. Пока Мухаммед жив, жив шариат – потому что Мухаммед вдыхает в него жизнь. Но когда Мухаммед уходит, остается труп. Труп напоминает реальное тело, но не является им, он только напоминает его.

Когда жизнь покинет вас, ваш труп будет выглядеть в точности как вы – но не будет вами. Нечто настоящее ушло, нечто едва уловимое исчезло. Только материальное лежит на земле. Это создает трудности, потому что люди настолько привыкают к вашему внешнему виду, к вашему лицу, что, глядя на труп, никак не могут поверить, что это уже не вы.

Ислам мертв. Пока существовал Мухаммед, вдыхавший в него жизнь, это была совершенно иная религия. Но теперь остался лишь шариат.

Шариат означает общедоступность – это ритуальная, формальная, воскресная религия. Она никак на вас не воздействует. Она всего лишь дает вам некоторое уважение в обществе. Она более социальна, нежели духовна, более политична, нежели религиозна. Ислам без Мухаммеда, индуизм без Кришны, буддизм без Будды – не что иное, как замаскированные политические воззрения. Под личиной религии процветает политика.

Когда нет Бога, который бы дышал в теле, в теле начинает дышать дьявол. Поэтому мертвое тело не только мертвое, но и очень опасно. Оно может быть захвачено дьяволом. Политик – дьявол. Когда святой ушел, осталось тело – кто-то может войти в него, кто-то может завладеть этим телом. Оно лишь напоминает настоящее. Когда уходит святой, священник воспользуется им, политик воспользуется им, многие будут введены в заблуждение, потому что им знакомо только лицо.

Взгляните на ситуацию с этой точки зрения. Когда вы смотрите на другого человека, видите ли вы в нем что-то, кроме его лица? Даже ваш возлюбленный, даже ваш ребенок – что вы видите в них, кроме внешности? Вы когда-нибудь проникали глубже? Ваше знакомство остается очень поверхностным, оно не проникает даже на глубину кожи. Оно остается формальным – знакомством с формой. Но лицо – не человек, личина – не человек. Внешняя форма – не внутренняя реальность. Сможете ли вы узнать свою женщины, если она явится вам как

дух? Не сможете. Сможете ли вы узнать своего собственного ребенка, если он явится как дух, не как тело? Вы совершенно не сможете узнать. Вы несомненно испугаетесь, вы подумаете, что к вам пришел призрак.

Однажды ко мне привели женщину. Ее муж умер. Прошло три месяца, но она все еще пребывала в агонии, чудовищной агонии – плакала, стенала, рыдала, не ела, не спала. Несколько дней это казалось нормальным, родные терпели, но потом это стало всем мешать – она и других членов семьи сводила с ума. Поэтому они привели ее ко мне.

Я спросил ее, чего она хочет. Она ответила: «Я хочу вернуть моего мужа. Я не могу жить без него. Без него жизнь лишена смысла».

Я сказал: «Хорошо, я устрою тебе встречу с мужем».

Она не могла поверить в то, что я говорил, потому что она повторяла одно и то же многим людям, они все ее утешали – как люди утешают на самом деле. Но только я ей спокойно сказал: «Да, я устрою встречу. Иди в ту комнату, закрой двери, сиди там тихо, и в течение получаса твой муж предстанет перед тобой – но как дух, помни».

Она удивилась: «Как дух? Что вы имеете в виду?»

Я сказал: «Тела не будет. Вы же сожгли тело. Поэтому он явится как призрак».

Она воскликнула: «Я не могу пойти в ту комнату! Если он придет как призрак, мне будет очень страшно. Я без того слишком сильно страдаю – не надо еще страданий! Пожалуйста, не делайте этого со мной».

Я сказал: «Но ты так сильно любила этого мужчину...»

«Да, – ответила она, – я любила мужчину, но не призрака!»

Никто не любит вас как духа. Вот почему любовь никогда не приносит удовлетворения.

С того дня она успокоилась. Я сказал ей тогда: «Успокойся в течение трех дней, иначе я уговорю твоего мужа навестить тебя».

Каждый день я заходил к ней домой, чтобы поинтересоваться, успокоилась ли она. На третий день она сказала: «Теперь вам не нужно приходить. Я успокоилась до конца своей жизни! Вы так сильно меня напугали, я даже не могу спать по ночам. Малейший шум на улице, чьи-то шаги, проходящий мимо полицейский, и мне становится страшно. Может быть, это идет он!»

Но не смейтесь над ней, вы тоже не сможете этого сделать. Мы знаем людей только по лицам. Почему? Потому что мы и себя знаем только по лицу, которое видим в зеркале. Вы бы не узнали даже собственную голову, если бы никогда раньше не видели ее в зеркале – или узнали бы? Если бы вы никогда не видели себя в зеркале, и однажды кто-то принес бы вам вашу голову, вы бы смогли ее узнать? Вы бы ее совсем не узнали. Ваше знакомство с собой тоже очень поверхностное. С другими это нормально, вы смотрите на них извне, но, по крайней мере, с собой вы не снаружи, вы внутри – а можете ли вы посмотреть на себя изнутри? Нет, даже чтобы посмотреть на себя, вам требуется помочь внешнего зеркала. Зеркало отражает, и вы становитесь посторонним для самого себя – только так вы видите. Поэтому вы знаете лишь лицо, тело, форму.

Наше так называемое знание себя и других слишком укоренено в теле. Как следствие, мы никогда не проникаем глубже в какие-либо другие измерения, помимо тела. Это измерение и называется шариат. Это – внешнее измерение религии. Когда Мухаммед ступает по земле, или Будда, или Махавира, вы просто смотрите на тело. Вы наблюдаете за его поведением. Вы наблюдаете за тем, как он сидит, что он ест, во что одевается, как он говорит, его жесты – вы наблюдаете за всеми этими вещами. Из всего этого вы создаете некую дисциплину и начинаете следовать этой дисциплине. Но это – мертвая религия, это религия-труп. Именно на этом уровне существует мусульманство, существует индуизм, христианство, буддизм, иудаизм... Все «измы» существуют на этом уровне.

Толпа верит в шариат, поэтому толпа всегда остается нерелигиозной. Толпа как таковая не религиозна. Вы можете встретить религиозность только в отдельном человеке, но никогда в толпе. Толпа по своей природе безумна, толпа по своей природе политична, но совершенно не религиозна. Напротив, когда вы одни, вы не можете быть политичными. Вы когда-нибудь об этом задумывались?

Если вас оставить на Земле в одиночестве, вы не сможете быть политичными. Для политики обязательно нужен другой. Если вас оставить на Земле в одиночестве, вы сможете быть религиозными, для этого не будет помех, но вы не сможете быть политичными. Для политики нужна толпа, коллективный ум. Религии нужны только вы – вы достаточны сами по себе. Само ваше одиночество становится переходом к религии. Вот почему, когда человек хочет быть религиозным, он уходит в одиночество, ищет уединения. Он отправляется в горы или в пустыню. Он хочет сбежать от толпы, потому что толпа в своей основе безумна. Сёрен Кьеркегор, один из самых проницательных мыслителей Запада, сказал: «Толпа – это ложь».

Истина всегда индивидуальна – она есть у Будды, она есть у Мухаммеда, она есть у Иисуса. Истина – это всегда цветение индивидуального сознания. Но она никогда не принадлежит толпе, толпе принадлежит ложь. Даже от Будды, от Христа, от Мухаммеда толпа берет поверхностное: например, что он ест перед сном. Люди приходят и спрашивают меня: «Ошо, когда вы ложитесь спать? В каком точно часу? – потому что мы бы тоже хотели этому следовать». Зачем? «Что вы едите – какие овощи, какие фрукты? – потому что мы бы хотели так же питаться». Зачем?

Но так функционирует ум толпы, он всегда охотится за несущественным. Что я ем – не имеет значения, вот чем я являюсь – это имеет значение. Что я делаю – неважно, чем я являюсь – важно. Человек не равен своему поведению, он нечто большее. Чем более велик человек, тем сильнее это отличие.

Обычно человек в точности походит на свое поведение. Что вы делаете, тем вы и являетесь. Но когда проходит Будда, это отличие становится невообразимым, дистанция огромной. Что он делает – очень, очень обычно, а то, чем он является, – потрясающе необычно. Дистанция настолько огромна, что вы не можете постичь его существо через его поведение.

Но современный ум сильно страдает от этого недуга. Можете пойти и посмотреть на Б. Ф. Скиннера и других психологов – Павлова и прочих – просто наблюдавших за поведением крыс, чтобы решить, что представляет из себя человеческий ум. Наблюдать за поведением крысы, чтобы что-то решать о человеке!

Крыса такова, каково ее поведение. Она еще не выросла в индивидуальность, не выросла в себя. Но одно можно сказать в поддержку Скиннера и ему подобных: они правы в том, что касается масс, они правы относительно толпы. Поведение толпы схоже с поведением крыс. Но психологи упускают исключительное, а исключительное составляет суть человечества.

Они могут объяснить ваше поведение, исследуя крыс, но не могут объяснить Будду или Мухаммеда. Когда они пытаются – они приходят в ярость.

Шариат создают, наблюдая за поведением просветленного человека. Это нормально, когда просветленный человек находится в теле, но когда он исчезнет из него, что тогда вы будете делать? Вы начнете поклоняться телу, одежде... И иногда случается, что когда великий человек умирает – как Мухаммед или Будда – в течение нескольких дней что-то витает над ним, будто он все еще жив. Это тоже создает трудности.

Должно быть, вы слышали знаменитую греческую историю... История повествует, что гонец, посланный с радостным известием о победе при Марафоне, умер за час до того, как достиг Афин. Он был мертв, но все же бежал. И будучи мертвым, он объявил о победе Греции.

Это прекрасный миф. Он показывает, что мертвые мастера действуют какое-то время так, будто все еще живы. Но лишь недолгое время – год, десять лет, может быть, пятьдесят лет. В любом случае, этот срок конечен. Да, такое происходит.

Когда Мухаммед покидает тело, тело впитало столько радости, тело знало столько празднования, что оно продолжает танцевать – гонец продолжает бежать. Этот миф действительно прекрасен и наполнен смыслом.

По крайней мере, относительно великих мастеров это правда. В течение нескольких лет все продолжает происходить так, будто они все еще живы. Это происходит благодаря огромной энергии, высвобождаемой умирающим мастером. Само его место становится священным местом паломничества. Вот как создается Мекка, вот как Кайлас обретает огромное значение, вот как у джайнов появляются Гирнар и Шикхарджи. В горах Шикхарджи умерли двадцать три джайнских *тиртханкара* – из двадцати четырех. Из двадцати четырех великих мастеров двадцать три умерли на небольшом холме. Весь холм переполнился вибрациями запредельного.

Но это продолжается лишь какое-то время. Это также создает проблему, потому что ученик думает, что труп все еще жив, так как различные события продолжают происходить. Когда я уйду, еще несколько лет будут происходить события, связанные со мной, и для тех, кто глубоко любит меня, все будет так, будто бы я все еще жив. Естественно, они будут думать, что все так же, как прежде.

Но это – заблуждение. После того как человек ушел, в течение нескольких лет те вибрации, которые были им созданы, эхо тех вибраций, что были им созданы, будут мало-помалу исчезать в ни-что.

Итак, шариат – поверхностная суть религии, тело. Остерегайтесь шариата.

Второй слой называется *хакикат*. Шариат – это поверхность окружности: хакиката. Слово «хакикат» происходит от «хак». Хак означает «истина», «чистая истина». Хакикат! Вот почему Мансур заявлял: «Анәл хак! – Я есть истина». Хакикат значит «истина»; чистая, ничем не отравленная. Хакикат значит центр окружности, сама душа религии.

На уровне шариата существуют мусульманство, индуизм, иудаизм, буддизм, на уровне хакиката существуют суфизм, дзен, хасидизм, йога. Помните это. Стать мусульманином не принесет большой пользы, но стать суфием – чрезвычайно ценно. Стать буддистом значит просто переодеться, но стать последователем дзен – значит по-настоящему продвигаться к трансформации. Стать иудеем – ничто, но быть хасидом – великое сияние. Это второй уровень: самая сердцевина.

Сначала идет шариат, там существуют политика, общество, мораль и еще тысяча и одна вещь. Из-за шариата Коран переполнен социальными правилами – слишком переполнен социальными правилами. Из-за шариата в Ведах так много мусора. Из-за шариата Ману-смрити походит на свод законов. Вы найдете лишь малочисленные и разрозненные подлинные утверждения о религии. Они там есть – они есть даже в Ману-смрити. Они есть в Ведах, они есть в Коране, но их мало, и они разрознены. Только если вы будете по-настоящему их искать, вы сможете их найти, иначе бриллиант теряется в грязи – слишком много грязи. Грязь – это шариат, бриллиант – это суфизм.

Всегда устремляйтесь к центру, никогда не становитесь слишком привязанными к телу. Создайте постоянную осознанность взгляดывания в глубину, взглядывания в центр окружности. Окружность так велика, а центр очень мал.

Ислам – это великая толпа, как и индуизм, как и христианство. Суфиев можно перечесть по пальцам, йогов можно перечесть по пальцам, хасидов или дзен-мастеров можно перечесть по пальцам. Они не существуют как толпа, вам придется искать их. Только если у вас есть настоящее желание их найти, только тогда вы их найдете, в противном случае вы их упустите.

Ради шариата вам не нужно отправляться на какие-то поиски, шариат сам находит вас. *Мулла* приходит, чтобы обратить вас в ислам, буддистский монах приходит, чтобы обратить вас в буддизм. Но если вы хотите найти суфия или хасида, вам придется отправиться в путь, вам придется стать искренним ищущим. И по пути вам придется многому научиться – потому что на одного подлинного мастера приходится девяносто девять лжемастеров, и фальшивое

будет привлекать вас сильнее, потому что вы сами фальшивы. Ложное будет нравиться вам больше, потому что вы понимаете лишь язык фальши. Настоящее вам совсем не понравится, настоящее скорее всего напугает вас.

Вы будете сопротивляться подлинному мастеру, вы отступите и станете жертвой неподлинного. Остерегайтесь этого! Вы сами – неподлинные, поэтому вас естественно будет привлекать неподлинное. Ведь неподлинный обещает вам то, чего вы желаете. Он скажет: «Если ты последуешь за мной, у тебя будет больше богатства, у тебя будет больше власти, больше престижа, того, этого...» Вот чего вы ищете.

Подлинный мастер может пообещать вам только одно: «Если ты приблизишься ко мне, ты умрешь». Подлинный мастер может пообещать только смерть. Подлинный мастер может пообещать только одно: «Я собираюсь полностью разрушить тебя» – потому что только после смерти случается воскрешение. Подлинный мастер – это крест, подлинный мастер – это дверь в смерть. Вы исчезаете в нем. Да, вы вернетесь, но вы вернетесь совершенно новым существом. Подлинный мастер – это огонь, он пугает, с ним становится очень страшно, от него держатся на расстоянии. На подлинного мастера смотрят издалека.

Буквально на днях один молодой человек – очень молодой – сказал, что пять или семь лет назад он пообещал гуру Махараджи, что посвятит ему всю свою жизнь и работу. Теперь у него трудности. Он не чувствует, что как-то растет. Он не получил и небольшого, ни малейшего озарения через эту связь или отношения. Но теперь данное им обещание... Теперь он думает, что ведет себя очень религиозно, потому что продолжает цепляться за свое обещание. Это не религия, это это. Теперь он не может принять мысль о том, чтобы отбросить свое обещание, потому что это причиняет боль это: «Ты – человек слова. Однажды дав слово, ты должен его держать».

Но это кажется глупым. Если ваши дела не идут хорошо, вы не обретаете целостность, если вы не растете, тогда необходимо мужество, чтобы отбросить все это. Если только за эти пять лет вы стали мудрее, чем вы были, когда давали обещание. Глупый ум дает обещание, и на протяжении пяти, десяти или пятидесяти лет вы продолжаете выполнять одно и то же обещание, прекрасно зная, что ничего не произошло, – разве это не самоубийственно? Как прошлое может лишить свободы?

Я не говорю не давать обещаний, я не говорю не выполнять обещаний. Давайте обещания, выполняя их, но когда вы замечаете, что ничего не происходит, тогда будьте достаточно смелыми, чтобы отбросить это. Не будьте эгоистичными.

Я читал одну историю...

Один человек вел очень религиозную жизнь – религиозную в понимании шариата. Он выполнял все ритуалы своей религии, он следовал моральным принципам, предписываемым его религией, он искусно подражал мастеру – поэтому они были в одной лодке. Он подражал мастеру, потому что мастер был совершенен, совершенен в следовании тем принципам, которым следовал он. Он был впереди. Мастер был человеком крайностей, он был целиком предан мертвому слову, мертвый букве. Писание было его душой. Самостоятельно он не двигался и на дюйм. Он был уже мертвцом. Но он был совершенен в том, что касалось ритуалов, его нельзя было уличить ни в единой ошибке. Он был непогрешим. А тот человек был его последователем.

Однажды ночью ему приснился сон. Он увидел, что умер и отправился наверх, на встречу со Святым Петром, с вопросом: «Могу ли я войти в рай?» Он был очень уверен, потому что идеально следовал тому, что ему было указано. Он механически следовал всем заповедям, никогда не совершая ни единой ошибки. Поэтому он был очень уверен.

Он спросил: «Могу я войти в рай?» Он это сделал просто из вежливости.

«Святые небеса! – ответил Петр. – Это не рай». Затем Петр объяснил, что жемчужные врата гораздо выше, и к ним можно добраться только по высокой лестнице. Он указал на лестницу, которая вела вверх, вверх и исчезала где-то в облаках – за облаками.

Человек посмотрел на лестницу и испугался. Лестница казалась бесконечной. Человек произнес: «Когда я доберусь? Эта лестница кажется бесконечной!»

Святой Петр ответил: «Не бойся. Все зависит от того, насколько она длинная. Для каждого человека это происходит по-разному. Я покажу тебе дорогу. Возьми этот кусок мела и начинай подниматься. За каждый грех прелюбодеяния, внебрачную связь, распутство, или любые другие из совершенных тобой, либо те, о совершении которых ты помышлял, продолжай делать отметки своим мелом. На каждой ступени должен быть отмечен один грех. К тому времени, когда ты закончишь и когда отметишь каждое действие или мысль, ты достигнешь конца лестницы, и перед тобой окажутся врата в рай. Все индивидуально. Если ты совершил много, много грехов, тогда она будет длинной. Если ты очень мало грешил, она будет не такой длинной. Эта лестница может меняться, она меняется вместе с человеком, который взирается на неё».

Тот человек был очень счастлив. Он взял мел и начал взбираться по лестнице. Он лез целую вечность. У него болели ноги, болели руки, и все же никто ему не встретился. И никаких признаков райских врат, и лестница была все той же, уходящей далеко ввысь.

Тогда в один из дней это путешествие встало ему поперек горла. Но теперь он был в тупике, потому что обратный путь занял бы ту же вечность. «Лучше продолжать путь. Однажды... возможно... есть вероятность, надежда». Чем он был удивлен, так это тем, что, несмотря на то что в жизни он не совершил ни единого греха, он непрестанно думал о совершении каждого из них.

Ритуальная религия создает в человеке подавление. Это шариат – тело, мертвое тело религии – калечит ваше тело, потому что в вашем уме развивается очень сильное воображение относительно всевозможных проступков. Вы фантазируете, вы совершаете их в уме.

Ваше сознание становится более отравленным, когда что-то просто возмущает ваш ум, нежели когда вы на самом деле это делаете. Когда вы на самом деле что-то делаете, существует возможность избавиться от этого, просто видя это – его бессмысличество.

Если вы злитесь, рано или поздно гнев сам приведет вас к осознанию того, что гнев бесполезен – не только бесполезен, он ядовит; не только ядовит, он очень разрушителен и суицидален. Но если вы продолжаете думать о том, чтобы быть злым, убивать людей, уничтожать людей, вы никогда не придетете к правильному пониманию. Вы никогда не сможете избавиться от гнева.

Если вы любите заниматься сексом, рано или поздно вы утратите все фантазии, которые насоздавали о нем. Рано или поздно он станет обыденным делом. Рано или поздно он вам наскучит. Но если вы просто воображаете, тогда вам никогда не будет скучно. Тогда вы никогда не потеряете к нему интерес. Раньше или позже грешники отбросят его, но святые, так называемые святые, они не смогут его отбросить. Они сидят на вулкане.

Этот человек удивился, потому что он целую вечность продолжал помечать эти ступени на лестнице, но они все появлялись, а он все продолжал вспоминать. Казалось, что он больше ничем не занимался, а только совершал в своем уме всевозможные грехи.

Затем он увидел своего гуру, спускающегося по лестнице. Он был очень счастлив видеть своего мастера.

«Ах, мой мастер! – сказал он. – Вы случайно идете назад не для того, чтобы привести в рай больше учеников?»

«Нет, тупица! – ответил гуру. – Я иду за новым мелом».

Остерегайтесь лжегуру – их много. Лжегуру будет обещать вам мирские вещи, даже если он обещает их в другом мире, он обещает все то же. Он пообещает вам в раю прекрасных женщин – гурий. Он пообещает вам реки из вина в раю. Но он обещает все то же. Он может пообещать вам в раю золотые замки, дворцы, инкрустированные бриллиантами, но брилли-

анты и золото, и серебро, и женщины, и вино – они все принадлежат этому миру. Он просто будоражит ваш ум, он просто дурачит вас.

Настоящий мастер обещает вам только одно: вашу смерть. Так что, где бы вы ни встретили ожидающую вас смерть, соберитесь с мужеством. Чтобы появился Бог, вы должны исчезнуть.

Это второе измерение или уровень религии: хакикат.

Наконец, третье измерение или уровень называется *тарикат*. Тарикат означает метод, путь… из внешнего во внутреннее.

Внешнее – это окружность, внутреннее – центр, а тарикат – это радиус, ведущий к центру, – исходный путь, который ведет от внешних ритуалов к внутреннему убеждению, от веры к видению, от потенциала к действию, от мечты к реальности.

Тарикат – метод, техника, путь, дорога, дао, дхарма – это вся наука религии. Есть окружность, есть центр, но необходимо двигаться от окружности, потому что мы находимся на ней, и нам нужно использовать какой-то радиус – только радиус может соединить окружность с центром. Какой радиус предлагают суфии? Их называют «люди пути», потому что они разработали много техник.

Их тарикат обладает наибольшим потенциалом – он может трансформировать вас, он может полностью изменить вас. Их совершенно не заботит теология, они беспокоятся только о методологии. Их не волнует, есть Бог или нет. Они предлагают: «Не говори глупостей! Вот путь. Иди и увидь сам. Это – способ развить твои глаза, тогда ты сам увидишь, есть Бог или нет».

Они не спорят, не пытаются убеждать, они показывают. Они говорят: «Пойдем со мной. Я знаю окно, из которого ты можешь посмотреть в открытое небо. Оставаясь закрытым в темной комнате, как я могу убедить тебя, что есть открытое небо – бескрайнее?»

Это будет так же трудно, как это было трудно для лягушки, о которой вы слышали, что жила в маленьком колодце. Это суфийская история.

Однажды случилось так, что лягушка из океана подошла к колодцу – должно быть, она была путешественницей. Она подошла к колодцу, представилась лягушке из колодца и сказала: «Я из океана».

Естественно, та лягушка переспросила: «Океана? Что это такое?»

И лягушка из океана сказала: «Это очень трудно описать, потому что, судя по всему, вы никогда не покидали этот колодец. А он так мал. Но все-таки я попытаюсь».

Лягушка из колодца рассмеялась. Она сказала: «Никто никогда не слышал о чем-то большем, чем этот колодец. Насколько велик ваш океан?» И лягушка из колодца прыгнула на третью размера колодца и спросила: «Вот такой?»

Лягушка из океана рассмеялась: «Нет».

Тогда лягушка из колодца подпрыгнула на две трети размера колодца и сказала: «Такой?»

Потом она подпрыгнула на все расстояние и сказала: «Значит, он должен быть в точности как этот колодец».

Но лягушка из океана сказала: «Его невозможно описать. Отличие – не в количестве, а в качестве. Он огромен! Он не заключен в окружность!»

Лягушка из колодца сказала: «Кажется, вы либо сумасшедшая, либо болтунья, либо вовсе лгунья. Убрайтесь отсюда! Не говорите глупостей!»

Вот что мирской человек все время говорил мистику: «Не говорите глупостей! Будьте практичны и говорите на понятном нам языке».

Суфии ничего не говорят о Боге, они говорят только о тарикате – они говорят: «Это путь, который мы знаем. Чтобы познать, тебе придется познать. Мы не можем объяснить это тебе. Это настолько таинственно, что будет практически оскорблением опускать это до твоего

уровня. Истину нельзя опустить на твой уровень, единственный возможный путь, единственный путь, который остался, – чтобы ты сам поднялся до уровня истины».

Вот что означает тарикат. Философия – это попытка опустить истину на ваш уровень, чтобы вы могли ее понять. Тарикат – для того чтобы привести вас к истине, чтобы вы могли увидеть – чтобы вы могли увидеть сами.

Запомните эти три слова. Все существуют в шариате, и в шариате остаются несчастными, потому что существуют только в качестве мертвого тела. Вам необходимо двигаться по направлению к хакикату, только в хакикате вы будете реализованы. А чтобы достичь хакиката, вам придется следовать тарикату, вам придется следовать методу, дисциплине, мастеру.

И осторегайтесь лжемастеров. Они существуют, и они говорят на одном языке с вами. Они могут быть очень убедительными. Будьте немного более рискованными, смелыми – ищите того, кто может впитать вас, кто может преобразить вас, кто может поглотить вас, кто подобен огню. Мотылек летит на пламя, и пламя поглощает его – так же и ученик. Он приходит к мастеру и оказывается поглощенным.

И помните: прежде чем вы придетете к настоящему мастеру, к подлинному мастеру, к *сатгуре*, вам встретятся множество лжемастеров. Так что не попадайтесь на их крючок.

Даже если вы обещаете, вы должны быть бдительными, чтобы ни одно обещание не связывало вас, если оно не приносит вам удовлетворения. Если оно не приносит удовлетворения, то в нем нет необходимости. Вот что я хотел сказать молодому человеку, который говорил: «Я пообещал гуру Махараджи...» Тогда почему ты здесь? В этом нет необходимости. Если ты по-настоящему растешь там, нет нужды быть здесь. Сам факт того, что ты здесь, показывает, что ты ищешь. Если же ты продолжишь цепляться за своего так называемого гуру Махараджи, тогда для твоего роста нет возможности. Тогда я ничем не могу помочь, потому что ты не сможешь принять какую-либо помощь – потому что твое сердце не будет открыто, потому что ты не станешь частью меня, ты не приблизишься.

И еще один человек написал мне, что в течение нескольких лет он был последователем Георгия Гурджиева. Сегодняшний гуру Махараджи – это лжемастер, чрезвычайно глупо следовать за ним. Но Гурджиев был подлинным мастером – сатгурой, суфием. Если вы являетесь последователем Гурджиева, прекрасно... но Гурджиева больше нет. Даже если Гурджиева больше нет, подлинный мастер после смерти имеет большую силу, чем неподлинный мастер при жизни.

Но помните, если вы сможете найти живущего подлинного мастера, вы не пойдете против Гурджиева. Два подлинных мастера никогда не будут врагами, они не могут ими быть. Если ты действительно был последователем Гурджиева в течение восьми лет – как написал мне этот ищущий – если ты действительно следовал за ним, значит, это он привел тебя сюда. Теперь, если ты хочешь создать барьер между мной и собой под именем Гурджиева, это твой выбор. Но это будет твоя ответственность, не обвиняй Гурджиева. Он привел тебя сюда. Он уже слишком много для тебя сделал.

То, о чем я говорю, – это в точности то, что делал Гурджиев. Конечно, я говорю на другом языке, я другой человек. Но только наши пальцы различны, Луна, на которую мы указываем, одна и та же.

Если вы следовали за подлинным мастером, и этого мастера больше нет, тогда мастер в ответе за то, чтобы отправить вас к другому подлинному мастеру, чтобы ваш рост мог продолжиться. Только не будьте так одержимы прошлым. Гурджиева больше нет – я есть.

Впрочем, скоро и меня не станет. И помните, я бы хотел специально напомнить своим ученикам: если вы по-настоящему любите меня, когда я уйду, я направлю вас к людям, которые будут еще живы. Так что не бойтесь этого. Если я отправлю вас в Тибет, или если я отправлю вас в Китай, или если я отправлю вас в Японию или в Иран – идите. И не говорите, что из-за того, что вы принадлежите мне, вы не можете принадлежать другому живущему мастеру.

Просто посмотрите ему в глаза, и вы снова найдете мои глаза. Тело будет другим, но глаза будут теми же.

Если ваше путешествие не завершится со мной, пока я здесь, если что-то еще останется несделанным, незавершенным, то не бойтесь. Отбрасывая меня, вы не предаете меня. На самом деле, не отбрасывая меня и не следя за реальным, живым мастером, вы будете предавать меня. Держите это в памяти.

Жан-Поль Сартр написал однажды то, что мне понравилось: «Люди часто рассказывали мне о прекрасном вкусе фиников и бананов – но на самом деле его нельзя оценить. Чтобы узнать, что они собой представляют, их нужно съесть сразу, на месте, после того, как их сорвали. Я всегда считал бананы мертвым фруктом, чей настоящий вкус ускользал от меня. Книги, переходящие из одной эпохи в другую, – такие же мертвые фрукты. В иное время они имели другой вкус – острый и резкий. Нам следовало прочесть „Эмиля“ или „Персидские письма“ сразу после того, как их сорвали».

Мне нравится это изречение Жана-Поля Сартра. В точности то же самое происходит и с мастерами. Когда они живы, у них есть вкус, острый и резкий. Когда плод только что сорван с дерева, ему присуще совершенно иное качество. Мертвый мастер похож на консервированные фрукты. Можно открыть банку и съесть фрукты, но чего-то будет не хватать. Будьте храбрыми и всегда доверяйте жизни. Моя любовь к вам или ваша любовь ко мне никогда не должны становиться помехой. Любовь освобождает. Любовь дарит вам свободу.

Так что не беспокойтесь. Если ты был последователем Гурджиева на протяжении многих лет, а теперь пришел сюда, и теперь твое сердце начинает трепетать со мной, не беспокойся. Гурджиев был не особо моногамным! Я его прекрасно знаю. Если же он разозлится, или что-то еще, это моя проблема. Я позабочусь об этом. Но не ищи оправданий. Когда мастер жив, жив его тарикат. Он имеет вкус – острый и резкий.

Почувствуй мастера, пока он жив. Дураки поклоняются смерти, мудрецы поклоняются жизни.

Теперь история.

Шейха Фирзу, почитаемого как учителя многих выдающихся суфииев, часто спрашивали, почему он не учил их быстрее.

Тот же вопрос задают и мне, снова и снова. Многие люди приходят ко мне и говорят: «Ошо, сделай что-нибудь поскорее!»

Я могу понять ваше желание, я могу понять вашу жажду, ваше стремление к этому. Но ничего нельзя сделать быстро, коротких путей нет: короткие пути обещают только лжеучителя.

Короткого пути нет. Рост очень труден, и ничто нельзя сделать быстрее, чем вы можете впитать. Есть определенный предел у вашей способности впитывать, есть определенный предел у вашего разума. Когда вы что-то впитали, ваша емкость увеличилась, тогда возможно что-то большее. Когда вы впитали и это, тогда ваша емкость становится еще больше, и снова что-то можно сделать. Так это и продолжается. Рост происходит медленно.

Это вам не сезонные цветы. Рост происходит медленно. Он подобен могучим деревьям, для роста которых требуются сотни лет, но затем они могут поговорить со звездами. Сезонные цветы живут всего несколько недель. Они быстро вырастают и быстро увядают. Они как сны, они не по-настоящему реальны. Они только делают вид, что существуют.

Будьте настоящим ливанским кедром. На это требуется время, это трудно. Когда вы начинаете подниматься к небу, к облакам, Луне и звездам, это трудно. Это трудно, потому что вам нужно вырастить корни, пустить глубокие корни в землю. Дерево растет в одинаковой пропорции – если ему нужно вырасти на сто футов в небо, ему нужно врастти на сто футов под землю. Для таких корней требуется время.

Вы не видите корни, корни невидимы. Когда вы приходите к мастеру, мастер видит ваши корни. Он видит, сколько у вас корней. Если вы растете слишком быстро, а ваши корни не готовы удерживать вас такими большими, вы упадете, вы сломаетесь. Вы совсем не сможете расти. А когда вы упали, очень сложно снова укорениться.

Поэтому ни один мастер не может помочь вам расти быстрее. Эту гонку нужно отбросить. Нет нужды. На каждом шагу нужно наслаждаться и праздновать.

Несколько дней назад пришла одна молодая саньясинка. Она приняла саньясу в своей стране. Я отправил ей имя – Ятра. Ятра означает паломничество. Вчера вечером она пришла немного озадаченная и обеспокоенная. Она сказала: «Мне не очень понравилось имя. Просто паломничество? Без цели?»

Она олицетворяет западный ум – важна цель, не паломничество. Здесь, на Востоке, наше восприятие совсем иное. Важно паломничество, цель – лишь оправдание для паломничества. Кого волнует цель? Каждый момент, проведенный в пути, настолько прекрасен, настолько великолепен – каждое дерево и каждая птица, которые вам встречаются, так бесконечно прекрасны, что кого волнует цель? Каждый момент есть цель.

Но я могу понять ее беспокойство. Должно быть, она начала размышлять в уме: «Паломничество, паломничество, паломничество... Но когда и где оно закончится?» Оно нигде не заканчивается. По сути, если оно где-то закончится, то будет очень грустно. Что вы тогда будете делать? Что дальше? Тогда вы застрянете где-нибудь между Богом, сидящим перед вами, и собою, сидящим перед Богом, вы станете как муж и жена – тупик. Что вы будете делать дальше? Нет другого Бога, и идти некуда. Нет, Бог – не цель, Бог – это паломничество. Пусть это будет хорошо осмыслено.

Идея цели – это идея жадного ума. А когда вы думаете о цели, естественно, вы думаете о том, чтобы быть быстрыми. В чем смысл? Зачем ехать на воловьей упряжке? Почему бы не полететь с реактивной скоростью?

И есть лжемастера, такие как Махариши Махеш Йоги, который говорит, что его метод – реактивный.

Ни один метод, ни один тарикат не обладает реактивной скоростью, ни один тарикат не может быть таким. Но это так привлекает людей, ведь люди желают все по-быстро. Они хотят, чтобы все происходило мгновенно. Поэтому пообещайте им, что за десять-двадцать минут утром, десять-двадцать минут вечером они после двух-трех недель станут просветленными, и они ваши. Они не станут просветленными, но кого волнует их просветление, раз они уже заплатили деньги... Дураков много, кто-нибудь да и клюнет. Всегда можно положиться на дураков, они – очень надежные люди.

Скорость не духовна. Сама идея скорости не духовна. Отчего не наслаждаться каждым моментом жизни? Тогда каждый момент становится целью сам по себе. Тогда каждый момент внутренне ценен, его нельзя принести в жертву чему-то другому.

Когда вы идете к цели, вы не смотрите по сторонам – деревья стоят поодаль и ждут небольшой ласки от вас, птицы поют и поют для вас – но вы торопитесь... Как вы можете смотреть по сторонам? И ребенок был там, улыбался вам, а вы упустили. И женщина плакала, а вы упустили ее слезы. И роза цвела, а вы так торопились, что не смогли ее увидеть.

Да, вы можете двигаться с реактивной скоростью. Но куда? Вы упустите все паломничество. А если вы упустите паломничество, цель исчезнет, другой цели нет. Жизнь – сама по себе цель.

Шейха Фирзу, почитаемого как учителя многих выдающихся суфииев, часто спрашивали, почему он не учил их быстрее.

Он отвечал: «Потому что даже самый преданный будет до определенной точки понимания оставаться совершенно не обучаемым. Он здесь во плоти, но во всем остальном он отсутствует».

Вы можете учить лишь до этих пор – затем вам нужно ждать, пока обучение будет впитано. Если кто-то болен, вы даете ему лекарство в определенном количестве. Вы не можете влить в него все лекарство, весь курс в один момент. Это его убьет. Вместо того чтобы вылечиться, он заболеет еще больше. Вы можете давать лишь в строго ограниченных количествах. Количество, сколько вы можете впитать, будет определяться возможностями человека. Когда он это впитает, он станет немного более здоровым и затем сможет впитать еще чуть-чуть... и так далее. Только так.

«Потому что даже самый преданный будет до определенной точки понимания оставаться совершенно не обучаемым».

Так что нужно ждать, пока он снова вырастет, откроется немного больше, станет готовым, у него будет немного больше пространство, тогда снова его можно обучать.

«Он здесь во плоти, но во всем остальном он отсутствует».

Когда ищущий приходит к мастеру в первый раз, он приходит только как тело. «Он здесь во плоти, но во всем остальном он отсутствует».

Поэтому нужно начинать с шариата, потому что вы – лишь тело. Люди приходят ко мне: «Ну и какой смысл менять одежду? Разве мы не можем стать саньясинами внутри? Какая необходимость в оранжевой одежде, мале и новом имени? Мы разве не можем стать саньясинами внутри?» Конечно, но вам придется подождать. Вы используете слово «внутри», даже не зная его значения. Вы никогда не бывали внутри. Вы жили в теле, с телом. Это – те же самые люди, которые придают слишком большое значение одежде. На самом деле они приводят эти аргументы, защищая свою старую одежду: «Какой смысл менять одежду?» Это те же самые люди.

Одна индуска хотела принять саньясу, но она сказала: «Я готова на все, но у меня триста сари, и я люблю их, они – моя единственная любовь. Я могу оставить своего мужа, если ты скажешь, я могу оставить своих детей – я устала и сыта заботой о них по горло – но триста сари? Только подумать!»

Я знаю эту женщину. В прошлом я останавливался в ее доме, и я знаю, что у нее действительно огромная коллекция прекрасных сари – самых дорогих из всех возможных. У нее уходят целые часы на то, чтобы выбрать, какое надеть в этот день.

Для меня это тоже было настоящей проблемой! Потому что я собирался на лекцию, ее муж сидел в машине, я сидел там же, и он все время жал на гудок... а она не шла. И он говорил: «Должно быть, она выбирает сари».

Теперь она говорит: «Какой смысл менять одежду? Разве мы не сможем достичь просветления в любом другом цвете?»

Такие аргументы. И я знаю эту женщину, она и есть сари, ничего более. Внутри сари вы никого не найдете. Она – лишь ее тело. Целыми часами она стоит перед зеркалом – они очень богаты, и ей не нужно работать. У нее одна обязанность: стоять перед зеркалом. Однажды я сказал ей: «Даже зеркалу ты скоро надоешь до смерти».

Однажды Мулла Насреддин ловил мух и поймал трех. Он сказал жене: «Я поймал трех. Один самец и две самки».

Жена удивилась и спросила: «Как ты узнал, что один самец и две самки?»

Мулла ответил: «Две сидели на зеркале, а одна – на газете!»

Вот как обстоят дела. Вы спрашиваете меня: «Какой смысл менять одежду?» Вы – одежда и больше ничего, поэтому я должен ее поменять.

Все начинается с шариата. Затем, мало-помалу, через тарикат, вам придется вырасти психологически. Люди заблуждаются относительно того, что они обладают психологией. Нет,

у вас еще нет психики. Вы только слышали это слово. У вас есть только поведение, у вас еще нет психологии.

Вот почему Гурджиев говорил, что психология должна родиться – наука еще не родилась, психология ждет рождения. Человек не обладает живым умом, откуда взяться психологии? Самое большее, что может быть, – это инженерия, механика, наука о поведении, но не может быть никакой психологии.

Только будда может иметь психологию. Да, шейх Фируз может иметь психологию. Вы не можете иметь психологию, прямо сейчас у вас есть только модель поведения, и все.

Он говорит, что ученик «...здесь во плоти, но во всем остальном он отсутствует». Поэтому его нужно заставить присутствовать в ином качестве. Только тогда, медленно-медленно, учение может проникнуть в него глубоко. Сначала должен быть создан путь, должна быть создана психика, должен быть создан ум.

Итак, это – одно из самых парадоксальных усилий мастера. Сначала он должен создать ум, а затем он должен его разрушить. Сначала он должен создать мост от окружности к центру, а затем – разрушить этот мост, иначе вы снова начнете движение к окружности. Создайте мост, а затем разрушьте мост за своей спиной. Тогда однажды человек останется в центре. Он становится суфием. Он должен прийти к тасаввуф.

Он также рассказал эту историю...

Жил-был монарх, который хотел стать суфием. Суфий, к которому он обратился за помощью, сказал: «Ваше величество, вы не можете обучаться с избранными, пока не преодолеете невнимательность».

Невнимательность означает рассеянность, недостаток осознанности или недостаток бдительности, сознания.

«Невнимательность! – воскликнул монарх. – Разве я не внимателен по отношению к своим религиозным обязанностям? Разве я не забочусь о людях? Кого вы можете найти в моих владениях, кто бы жаловался на меня из-за моей невнимательности?»

Вот это человек шариата. Он говорит: «Я выполняю свои обязательства, свои обязанности, свой долг. Я выполняю свой долг перед женой, перед детьми, перед своим народом, своей страной. Ни у кого нет никаких жалоб. Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-то жаловался по поводу моей бдительности, осознанности, ответственности? Кто вам сказал, что я невнимателен?»

Это то, что говорит воскресный прихожанин: «Я религиозен». Вот что говорит индус, потому что он каждое утро совершает *пуджу*. Вот что говорят по поводу своих действий все люди, соблюдающие ритуалы. Мусульманин думает, что стал мусульманином, потому что пять раз в день совершает *намаз*. Можете совершать его хоть пятьдесят раз в день – это не сделает из вас мусульманина. Это останется ритуалом. Вы можете его совершать, вы можете выполнять его идеально, можете повторять Коран слово в слово, и все же вас там не будет. Это будет как граммофонная пластинка, пока в этом не будет вашего сердца, пока вы не будете делать этого с вспоминанием.

На днях я рассказывал вам о том, что суфии говорят о состоянии *гхафла* – бессознательности. Гурджиев заимствовал идею о том, что человек находится в состоянии сна, у суфиев. Гурджиев имел обыкновение говорить, что человек – это машина. Человек спит, человека нет, потому что нет осознанности. Эта суфийская идея имеет огромную ценность.

Состояние *гхафла*, бессознательности, должно быть трансформировано в состояние зикр – вспоминания. Вот что подразумевал суфий, говоря: «Ваше величество, вы не можете обучаться с избранными, пока не преодолеете невнимательность».

«Невнимательность!» – воскликнул монарх.

Должно быть, он разозлился. Должно быть, он воспринял это как оскорблениe, как жалобу.

Суфий сказал:

«Именно в этом и заключается трудность».

Потому что вы думаете, что, выполняя свои обязательства, исполняя свой долг, вы являетесь человеком осознанности. Но с чего вы взяли?

«Именно в этом и заключается трудность... Потому что невнимательность так заметна в некоторых вещах, что люди воображают, что это, должно быть, часть их естества».

Пока осознанность не станет частью самого вашего естества, пока осознанность не проникнет так глубоко, что даже во сне вы будете осознавать себя, от нее мало толку. Обычно люди лишь кажутся бдительными и неспящими. Они ходят по улицам, занимаются работой, возвращаются домой, женятся, заводят детей, а потом умирают. Но все это время они остаются в состоянии гхафла, они остаются спящими.

Человека называют осознанным, когда он может заснуть и все-таки оставаться бдительным глубоко внутри. Только тогда суфии говорят, что человек достиг зикра – вспоминания. И в этом вспоминании своего существа человек начинает чувствовать Бога, переживать Бога – окно открывается, дверь больше не закрыта.

Но люди, исполняющие долг, выполняющие обязательства, регулярно посещающие мечеть, синагогу или церковь, начинают думать, что они религиозные люди. Именно в этом и заключается трудность.

Я слышал...

У фермера заболел мул, и он позвал ветеринара. Ветеринар осмотрел больное животное и сказал: «Это очень большой мул, и я хочу, чтобы вы незамедлительно дали ему эти маленькие белые таблетки. Эти белые таблетки очень действенные и наверняка помогут. Но для большей уверенности подождите четыре часа и дайте мулу одну из этих красных таблеток. Они настолько сильные, что вылечат что угодно».

Спустя примерно две недели фермер и ветеринар встретились, и доктор спросил фермера, что случилось с мулом.

«Ну, я дал ему белые таблетки, как вы мне и сказали, доктор. И я никогда в жизни не видел такой бурной реакции ни от одного мула. Он выбил двери сарая, снес забор и помчался по полям. Я думал, что потерял своего мула».

«Так вы его потеряли?» – поинтересовался врач.

«Знаете доктор, если бы мне не хватило ума самому выпить красную таблетку, я бы точно его потерял».

И этот человек убежден в том, что очень умен, что действует осознанно!

В критических ситуациях все действуют так, как будто они бдительны, а затем снова засыпают. Вот что происходит. Если внезапно кто-то приходит с мечом и набрасывается на вас, на миг вы станете бдительными, шок выведет вас из вашей туманной ночи. На миг вы откроете глаза, на миг вы забудете свою забывчивость, на миг вы забудете, что спите, на миг меч, смерть, возможная опасность вытащат вас наружу, в осознанность, но только на один миг. Затем вы снова заснете.

Иногда такое случается с альпинистами, взбирающимися на гору. Когда они сталкиваются с настоящей опасностью, когда одновременно они видят перед собой и жизнь, и смерть – один неверный шаг, и они исчезнут навсегда – тогда они чувствуют, как новый вид осознанности поднимается в них. Поэтому альпинизм привлекает стольких людей. Иногда альпинизм приносит радость.

Поэтому многих людей привлекают азартные игры. Когда вы рискуете всем, на миг вы становитесь осознанными. Поэтому людям нравятся рискованные игры – например, автогонки. Когда вы по-настоящему находитесь в опасности, из-за этой опасности вам приходится быть бдительными.

Но причина, по которой людям нравятся опасные игры – альпинизм, автогонки, азартные игры и т. д., в том, что из этих маленьких проблесков осознанности возникает радость. Человеку, практикующему тарикат, чтобы стать осознанным, не нужно лезть в горы, или состязаться в автогонках, или участвовать в азартных играх. Он может сделаться бдительным в отсутствии внешней ситуации, вынуждающей его быть бдительным. Он может сделаться бдительным в отсутствии внешних причин. Тогда его радость бесконечна. Вот что индуисты называют *сам-чит-ананд* – истина-сознание-блаженство.

Поэтому осознанность должна стать самим вашим естеством.

«Я не понимаю этого замечания, – сказал монарх, – и, возможно, ты посчитаешь меня неподходящим, потому что я не могу разгадать твоих загадок».

«Вовсе нет, – ответил суфий, – но будущий ученик не может на самом деле спорить со своим потенциальным учителем».

Помните это. У вас может быть диалог с мастером, но вы не можете спорить. Спор с самого начала, дискуссия с самого начала препятствует ученичеству. У вас может быть диалог, диалог обладает другим свойством.

Каково отличие между спором и диалогом? Отличие в том, что в диалог вы не вносите никаких предубеждений, у вас нет своих собственных навязчивых идей. Вы откладываете в сторону все концепции. В диалоге вы хотите понять, а не спорить. У вас нет эгоистичной защиты. В диалоге вы открыты, вы готовы слушать, учиться, вы готовы к трансформации.

В дискуссии, в споре вы сопротивляетесь. На вас надеты доспехи, вы пребываете в воинствующем настроении. Нельзя сражаться с собственным мастером – если вы это делаете, вы не ученик, и этот мастер – не ваш мастер.

«...будущий ученик не может на самом деле спорить со своим потенциальным учителем. Суфии принимают знание, не аргумент».

Невероятно действенное утверждение. «Суфии принимают знание...» Да, они могут указать вам путь к знанию, но они не спорят, потому что они не предлагают никакой философии. У них ее нет. Они очень нефилософские люди, почти что антифилософские. Они не наделяют вас догмами, не предлагают ни единого принципа. Они – терапевты. Они дают вам лекарство, и это лекарство откроет ваши глаза. Они дают вам тарикат, и этот тарикат изменит вас, изменит вашу химию. Тогда вы будете способны видеть что-то, чего не видели раньше.

При помощи спора ваша химия не может измениться, а без изменения химии вас нельзя убедить в чем-либо, чего вы еще не познали. Бог – неизвестное. Чтобы познать его, вам понадобится другая химия. Суфий обеспечивает вас знаниями о том, как это сделать, – знаниями о тарикате, о методе. Но он не предоставляет никакого знания о принципах.

«Но я продемонстрирую тебе твою невнимательность...»

Суфии всегда демонстрируют, это очень практические люди, очень научные люди. Они говорят: «Сейчас это будет сложно. Я могу спорить, но это тебе не поможет, я покажу тебе. Ты можешь увидеть сам, являешься ли ты человеком внимания или невнимательности».

«...если ты пройдешь небольшое испытание и сделаешь то, что я попрошу».

Монарх согласился пройти испытание, и суфий предложил ему говорить «Я верю тебе» на все, что будет сказано ему в последующие несколько минут.

Такой вот небольшой эксперимент на зикр, вспоминание. Монарх должен помнить, что независимо от того, какое утверждение будет сделано суфием, он должен говорить: «Я верю тебе».

Монарх подумал: «Это так просто. Кажется, этот человек немного глуповат. Если человек может стать суфием так легко, так легко может ступить на путь...» Монарх даже начал что-то подозревать.

«Если в этом состоит испытание, то стать суфием достаточно легко», – сказал монарх.

Должно быть, он это сказал, чтобы слегка посмеяться над суфийским мастером. Но мастер не ответил ему.

И вот суфий начал испытание. Он сказал:

«Я – человек с небес».

«Я верю тебе», – ответил монарх.

Послушайте... Каждое утверждение важно. Сначала суфий говорит: «Я – человек с небес». Это совершенно бессмысленное утверждение, всецело философское утверждение. Его нельзя никоим образом ни доказать, ни опровергнуть. Он говорит абсурдную нелепицу, но монарх помнит свои слова «Я верю тебе» и легко произносит их, потому что ничто не поставлено на карту. Поэтому люди так любят метафизику, философскую аргументацию. Они счастливы, потому что ничто не поставлено на карту. Какое это имеет значение? Если он говорит: «Я пришел с небес», – хорошо, это совершенно нормально. Монарх не изменится от этого, монарх ничем не рискует.

Поэтому люди отправляются слушать великие речи о Боге, душе, эзотерических принципах, астральных телах, тонких телах и получают от них большое удовольствие. Для таких людей теософия обеспечила массу литературы. Они всегда говорят о том, что не имеет значения.

Однажды Мулла Насреддин сказал мне: «Я и моя жена никогда не спорим».

Я не мог в это поверить! Это казалось почти невозможным, чтобы муж и жена не спорили. Я сказал: «Мулла, как вам это удается?»

Он ответил: «В день нашей свадьбы мы приняли решение: я буду говорить только о важных, возвышенных вопросах, а она позаботится о мелочах».

Я спросил: «Например?»

Он ответил: «Например, какой дом купить, какую машину приобрести, в какую школу отправить детей, какую одежду мне носить, каким бизнесом заниматься – это все мелочи. Их улаживает моя жена».

Я удивился: «Что же подразумевается под возвышенными, важными вопросами?»

Он ответил: «К примеру: существует ли Бог, будет ли война – подобного рода вещи, важные вопросы. Я принимаю решения о важном, а она разбирается с мелочами».

У монарха нет с этим проблем. Это так значительно, пусть суфий говорит об этом. Суфий говорит:

«Я – человек с небес».

«Я верю тебе», – ответил монарх.

Суфий продолжил: «Обычные люди пытаются добыть знаний, у суфиев же их так много, что они стараются ими не пользоваться».

Теперь он постепенно спускается вниз. Это все еще великое утверждение, но не такое великое, как первое. Но монарх по-прежнему не затронут. Все остается вне сферы интересов монарха.

«Я верю тебе», – сказал монарх.

Тогда суфий сказал: «Я лжец».

«Я верю тебе», – повторил монарх.

Должно быть, он был очень счастлив это произнести, потому что это то, что он хотел сказать. Когда мастер говорил: «Я пришел с небес», и когда он сказал: «Суфии обладают столькими знаниями, что в то время, когда обычные люди ищут знаний, суфии стараются найти способы не использовать их, потому что их так много», должно быть, в глубине души он думал, что этот человек лжец. И суфий уловил этот момент. Он говорит: «Я лжец».

Это великий эксперимент по чтению мыслей. Вот что монарх произнес про себя – что это был лжец. Но монарх по-прежнему упускал, он не видел, в чем суть.

«Я верю тебе», – сказал монарх.

Суфий продолжал: «Я присутствовал при твоем рождении».

Теперь он подходит ближе, но начинает с самого начала, с первородного крика. Он говорит: «*Я присутствовал при твоем рождении*». Теперь он приближается к монарху, но начинает с самого начала, с азов – «...при твоем рождении». По-прежнему не так много поставлено на карту. Даже если он присутствовал, какое это имеет значение?

«Я присутствовал при твоем рождении».

«Я верю тебе», – сказал монарх.

«И твой отец был крестьянином», – сказал суфий.

«Это ложь!» – закричал монарх.

Теперь он совершенно забыл. Это было первое утверждение, действительно сделанное о нем – не совсем о нем, но о его отце, но он подошел ближе. И тут же монарх обо всем забыл. За один миг он забыл, что должен был говорить: «Я верю тебе». И немногое стояло на кону, лишь простой предрассудок. Что не так в том, что твой отец – крестьянин? Лишь маленький предрассудок: «Я принадлежу к великой династии. Мой отец был монархом, отец моего отца был монархом – мы всегда были монархами!»

«Я присутствовал при твоем рождении».

Суфий подходит ближе. Затем он коснулся его границ.

«И твой отец был крестьянином...»

Он еще ничего не сказал о самом монархе – монарх обнажил бы свой меч, если бы суфий сказал: «Ты вор!» Он мог бы наброситься на суфия.

«Это ложь!» – закричал монарх.

Суфий посмотрел на него с сожалением и сказал: «Если уж ты настолько невнимателен, что не можешь одну минуту помнить о том, чтобы говорить „Я верю тебе“, не вовлекая в игру свои предрассудки, то ни один суфий не сможет тебя ничему научить».

Прекрасная притча. Поразмышляйте над ней.

Да, в точности так же обстоит дело с большей частью человечества. Вы не можете оставаться бдительными даже одну минуту. Как-нибудь проведите небольшой эксперимент, который Гурджиев проводил со своими учениками, – современная версия того же эксперимента. Положите перед собой часы и следите за стрелкой, показывающей секунды, всего одну минуту. Помните только об одном: я вижу это секундную стрелку... я вижу эту секундную стрелку... я вижу эту секундную стрелку... Продолжайте вспоминать все время об одном. Вы удивитесь. Не пройдет и семи, восьми, десяти секунд, как вы забудете. Снова вы вернетесь из своего сна, несколько секунд будете помнить и снова забудете. За одну минуту, минимум три-четыре раза вы потеряете память. Вы не сможете постоянно помнить даже о простой вещи.

И здесь не участвуют никакие предрассудки. Никто не говорит, что ваш отец нищий или что ваш отец вор. Никто не говорит, что ваша мать была проституткой, никто не говорит, что вы грязная свинья – ничего подобного. Ничто не задействовано. Лишь простое, фактическое утверждение: «Я вижу секундную стрелку», – и снова и снова вы будете засыпать. Снова и снова вы будете думать о чем-то другом, вы не удержите внимательность.

Поэтому суфии говорят, что если у человека нет осознанности, его ничему нельзя научить. Поэтому первое, чему придется научить, – осознанность. А для осознанности нужно много времени, потому что много жизней вы жили в неосознанности. Она глубоко проникла в вашу кровь, она проникла в само ваше естество, вошла в каждую клетку вашего тела, каждая фибра вашей психики наполнена сном.

Этот сон необходимо прервать. Когда сон прерван... тогда ученик готов учиться. Все будет зависеть от того, насколько вы осознанны. Лишь столько может пролить на вас мастер.

Небольшая притча.

В одной деревеньке на Востоке жил торговец, он сидел на коленях в своей лавке и левой рукой тянул прянь шерсти из тюка, который висел над его головой. Он скручивал шерсть в

более толстую прядь и перекладывал в правую руку, которая появлялась перед ним. Правая рука наматывала шерсть на большое веретено.

Это было непрерывное движение, выполняемое стариком, который каждый раз, когда его правая рука наматывала шерсть на веретено, неслышно говорил: «Ля илаха иль-аллах». Не должно быть ни одного неровного движения, иначе шерсть порвалась бы, и ему пришлось бы завязывать узел и начинать все сначала. Старик должен был присутствовать в каждом моменте, иначе он порвал бы шерсть.

Это – осознанность, это – зикр, это – жизнь. «Суфий» означает осознанность в жизни, осознанность на более высоком плане, чем тот, на котором мы обычно живем. Этот старик был простым человеком, но он обучил торговле своих сыновей, а его сыновья обучили торговле своих сыновей, и была создана силсила – традиция мастеров и учеников.

Из такого незначительного явления он развил осознанность. Вы можете развить осознанность, занимаясь чем угодно. Единственное: используйте это как метод. Вы идете – идите, но будьте полностью бдительны, помня о том, что вы идете. Вы едите – ешьте, но будьте полностью бдительны, что вы едите. Принимая душ, наблюдайте за каждой каплей воды, будьте во всем бдительны.

Индуисты называют это *сакшин*, свидетель. Буддисты называют это *самъяк-смрити*, правильно-помнящий. Кабир и Нанак называют это сурати, вспоминанием, а суфии называют это зикр. Но это тот же самый тарикат, один и тот же путь.

Достаточно на сегодня.

Глава 4

Любовь не оправдывает ожиданий

Первый вопрос:

Ошо, когда я глубоко влюблена, я в то же самое время чувствую грусть. Почему?

Настоящая любовь всегда приносит грусть. Это неизбежно – потому что любовь создает пространство, которое открывает новые двери твоему существу. Любовь – это сумеречное состояние.

В момент любви ты можешь видеть, что нереально, а что реально. В момент любви ты можешь видеть, что лишено смысла, а что наполнено смыслом, и в то же время ты видишь свою укорененность в бессмысленном – отсюда грусть. В момент любви ты начинаешь осознавать свой высший потенциал, ты начинаешь осознавать самую дальнюю вершину, но тебя там нет – отсюда грусть. Ты видишь образ, но это лишь видение, и спустя мгновение оно уйдет. Это так, будто бы Бог поговорил с тобой во сне, а по пробуждению ты забыла, о чем он говорил. Ты знаешь, что что-то произошло, но это не стало реальностью. Это был лишь пролетавший мимо ветерок.

Если любовь не создает грусти, знайте наверняка, что это не любовь. Любовь неизбежно создает грусть – чем сильнее любовь, тем сильнее будет грусть, следующая за ней.

Любовь открывает двери Богу. Два сердца сближаются, очень сильно сближаются, но в самой этой близости они видят разобщенность, – в этом грусть. Когда вы далеки друг от друга, вы не видите этого так ясно. Вы знаете, что вы самодостаточны, но когда вы желаете быть едиными с кем-то и жаждете этого, возникает великая страсть, и вы сближаетесь, вы сближаетесь, а потом наступает момент, когда вы очень, очень близки, но дальше этого пойти не можете, вы застrevаете – и внезапно вам становится грустно. Цель так близка и все же недосягаема.

Иногда после любви вы впадаете в глубокую ночь разочарования. Те, кто не знал настоящей любви, не знали настоящего страдания, они не знали настоящих мучений. Они живут плоской жизнью. Они не познали вершин, поэтому они не осознают долин. Они не достигли максимума, поэтому они думают, что жизнь представляет собой все то, чем они занимаются. В любви на мгновение вы становитесь тем, чем должны быть. Но это лишь сиюминутно.

Если вы хотите, чтобы это стало для вас вечной реальностью, тогда самой любви недостаточно – нужна молитва. Любовь заставляет вас осознать эту потребность, и пока вы не начнете двигаться к молитве, любовь будет создавать все больше и больше грусти.

Вы не можете стать едиными в любви. У вас может быть только иллюзия единства. А ведь это – огромное желание: как быть одним, единым с целым, как установить контакт с реальностью, как полностью исчезнуть. Потому что, если есть вы, есть и страдание, если есть вы, есть и мучения, если есть вы, есть и тревога. Само это создает проблемы. Когда вы таете и исчезаете, когда вы становитесь едиными с кем-то, никто не остается позади. Вы – лишь волна в этом вечном океане существования. У вас нет своего собственного центра, центр целого стал вашим центром. Тогда тревога исчезает, тогда мучения исчезают, тогда потенциал реализован. Вот что называется просветлением, вот что называют нирваной или божественной реализацией.

Любовь движется в том же направлении, однако она может лишь обещать, но не может исполнить. Она не оправдывает ожиданий – отсюда грусть. Вы чувствуете, что подходите очень близко к той точке, где можете исчезнуть, и все же вы не исчезаете. И снова вы отдаляетесь от своей возлюбленной. Снова и снова вы сближаетесь, и снова и снова вы уходите в одиночество. Но вы никак не становитесь одним. А пока вы не станете одним, экстаз невозможен.

Один знаменитый экзистенциалист, Николай Бердяев, написал несколько очень важных для понимания этой темы слов. Он сказал: «Я всегда боялся счастливых, радостных переживаний, потому что за ними всегда следовали самые живые воспоминания об агонии жизни».

Конечно, это так. Поэтому по-настоящему несчастные люди не бунтуют. Пролетариат никогда не бунтовал. Маркс вышел из семьи среднего класса, как и Мао, как и Ленин, как и Энгельс. Все революции и все революционеры происходят из среднего класса, они не появляются в низших слоях. Они не могут оттуда возникнуть. Люди там так несчастны, что они не могут поверить, что есть что-то большее. Они никогда не испытывали какой-либо радости. Из-за того, что они не испытывали радости, они не могут понять, что их жизнь полна страданий. Им не с чем сравнивать.

Пока вы не узнаете, что такое болезнь, вы никогда не почувствуете, что такое здоровье. Если вы были больны с самого начала – если вы были уже рождены больным – и никогда не чувствовали в себе то, что называют здоровьем, вы даже не будете сильно страдать из-за своей болезни. Вы будете полностью удовлетворены ею. Вы просто убедите себя, что такова жизнь.

Вот почему революция не зарождается в низших слоях.

Она также и не зарождается в высших слоях, потому что они слишком многое рисуют потерять. Он не могут стать революционерами, слишком многое поставлено на карту. Бедным нечего терять, но они и не могут ощутить свое несчастье, богатые могут ощутить несчастье, но слишком многое могут потерять. Поэтому все революционеры были рождены средним классом – те, кто знал обе стороны: немного страданий, но и немного радости. Их видение очень ясно. Они знают, что радость возможна, и от того, что они знают, что радость возможна, их агония невыносима.

Бердяев писал: «В великие дни празднеств я почти неизменно испытывал муки, возможно, потому что я ожидал какой-то чудесной трансформации обычной повседневной жизни. Но она никогда не происходила». Да, в праздничные дни человек испытывает больше мучений, потому что у него больше надежд. Когда вы надеетесь на большее, естественно, вы будете чувствовать себя более несчастными, если эти надежды не сбываются.

Во время большой любви приходит большая надежда. Вы чувствуете, что почти достигли главного – и все же не до конца. Вы чувствуете, что это должно вот-вот случиться – настал момент – а момент приходит и проходит мимо, а вы снова остаетесь в той же пустоте, в которой всегда пребывали. Тучи сгущаются, а дождь никак не проливается, и пустыня остается пустыней. Если бы эти тучи не сгущались, в вас не было бы столько надежд. Вы ведь знаете, что это пустыня. Вы принимаете это. Вы приспосабливаетесь к ней. Но однажды внезапно вы видите, как собираются большие тучи, в ветре вы чувствуете приближение дождя, во всем вокруг вы чувствуете приближение дождя, ваше сердце начинает пульсировать от того, что скоро эта пустыня перестанет быть пустыней, начнут расти зеленые деревья, начнут петь птицы, начнется празднование... И вдруг тучи расходятся.

Вы этого не видели? Например, во время ночной прогулки по темной улице внезапно мимо проезжает машина с ярким светом. После того, как машина уехала, темнота кажется гуще, чем раньше. Что случилось? Вы шли той же самой ночью, в той же самой темноте, но этот свет, эти фары автомобиля внезапно на мгновение заполнили ваши глаза светом. И темноты стало больше. В течение нескольких минут вы вовсе не способны видеть. Вы совершенно слепнете. Это было сделано светом.

Ситуация в точности та же... когда вы влюблены, вы заполнены светом. Но затем он исчезает – он приходит и уходит, он преходящ. И он лишь оставляет след в виде глубокой грусти.

Даже когда вы испытываете любовь, те, кто очень восприимчив, знают, что она не будет длиться вечно. Это преходящее. И люди продолжают дрожать. Любовь здесь, но они знают, что она уйдет, – отсюда грусть.

Этот вопрос – от Абинавы. Должно быть, она очень восприимчива, интуитивна. Должно быть, ее сердце может чувствовать что-то, что обычные люди не чувствуют. Когда приходит любовь, вы наслаждаетесь, когда она уходит, вам грустно. Но если вы очень, очень восприимчивы, вы осознаете, что точно в тот момент, когда любовь здесь, за углом уже прячется грусть.

Бердяев говорил: «В особенности любовь, как мне показалось, несет в себе семя мучений, и я часто приходил в изумление от того, что люди могут испытывать экзальтацию любви как чистую радость и счастье». Кажется, он озадачен.

Этот человек, Николай Бердяев, был одним из выдающихся экзистенциалистов своего времени. А экзистенциализм очень глубоко проник в тайны жизни – не до конца, конечно, но экзистенциализм – это хорошее начало. Не нужно в нем застревать, потому что начало отрицательно. Если вы не пойдете глубже, он останется негативным. Он начинает превращаться в позитивное качество, только когда вы по-настоящему углубитесь в него.

Будда – тоже экзистенциалист, но он пошел до самого конца. Сартр, Хайдеггер, Ясперс, Марсель, Бердяев – они тоже экзистенциалисты, но они застряли где-то в середине, они не прошли до самого конца. Поэтому они остаются негативными. Но их озарение верно – они на верном пути, в правильном направлении. Экзистенциалисты говорят об отчаянии, муках, страхе, депрессии, грусти, несчастье – все это темное, мрачное. Они никогда не говорят о блаженстве, они никогда не говорят о радости, они никогда не говорят о праздновании. И все же я хотел бы вам сказать, что они движутся в верном направлении. Если они пройдут чуть дальше, скоро они обнаружат, как возникает радость.

Я слышал об одной очень знаменитой леди, очень респектабельной леди, хорошо известной в высших слоях общества. На одной вечеринке, где присутствовали все выдающиеся люди страны, она перебрала алкоголя. Кто-то спровоцировал ее, и она так разозлилась, что потеряла контроль, свой обычный контроль. Она вышла из себя и нецензурно выругалась. Люди были шокированы, они не могли поверить в то, что такие уродливые слова могли исходить от такой уважаемой женщины. Они об этом и помыслить не могли. Они были так шокированы, что наступила тишина, и тогда она тоже пришла в шок из-за их шока.

Потом она поняла, что наделала. Она улыбнулась – сладкая улыбка, которую могут изобразить только женщины, – и сказала: «Простите. Кажется, я превращаюсь в экзистенциалистку».

Сейчас дела обстоят именно так. Экзистенциализм говорит только о грязных вещах, о незддоровом, патологичном, негативном – темной стороне жизни.

Кажется, что смерть – это объект медитации. Но если вы достаточно долго медитируете на смерть, вы удивитесь, что в самом центре смерти возникает жизнь.

Бердяев говорил: «В особенности любовь, как мне показалось, несет в себе семя мучений, и я часто приходил в изумление от того, что люди могут испытывать экзальтацию любви как чистую радость и счастье. Эрос – это мучение, потому что он связан с тайнами времени и глубоко укоренен в вечности. Он связан со временем, жаждущим вечной реализации, но так никогда ее и не достигающим».

Подобным образом мучения присутствуют и в сексе. Секс показывает, что человек ранен, что он расколот и никогда не способен прийти к истинной полноте через единение. Он предлагает человеку идти к другому, но тот снова возвращается к себе, и мучения его жажды единства не получают облегчения. Желание цельности невозможно удовлетворить через секс, напротив, он лишь служит тому, чтобы углубить раны разъединенности».

Само слово «секс» происходит от латинского корня «sectus», что означает разделение. Секс разделяет. Он обещает соединить, но никогда этого не делает. На самом деле, он разделяет. Но в человеке есть огромное желание быть единым. Ребенок в утробе матери соединен с существованием. У него нет отдельной реальности. Он – часть целого. Он не имеет никакого

я, никакого высшего сознания. Он есть, но он еще не это. И что остается нашим глубочайшим желанием – как снова войти в чрево существования.

Психоаналитики говорят, что попытка мужчины проникнуть в женщину во время занятий любовью – это на самом деле попытка снова проникнуть в матку. И в этом есть доля истины. Как войти в то состояние абсолютного спокойствия, тишины, где это еще не было потревожено, где все пребывает в мире и гармонии?

Когда мужчина и женщина соединяются в любви, они пытаются создать единство – отсюда притягательность любви, отсюда влечение к сексу. Но это никогда не случается. Или это происходит в течение такой доли секунды, что на самом деле и не важно, случается оно или нет. В действительности, наоборот, это создает еще большее желание единства, больше желания и больше жажды предельного единства. И каждый раз возникает разочарование. Если у вас есть глаза, чтобы видеть, и если есть сердце, чтобы чувствовать, вам станет грустно; каждый раз, когда вы будете влюбляться, вам будет грустно. Снова обещание, и снова вы знаете, что оно не будет выполнено.

Что же делать? Позвольте вашей грусти в любви стать паломничеством к молитве. Позвольте этому переживанию грусти стать великой медитацией в глубине. Сначала вам нужно растворить это в своем собственном внутреннем существе, вы не можете растворить его ни в ком другом, оно вернется назад. Лишь на миг вы можете создать состояние забытья.

Поэтому секс действует как алкоголь, естественный алкоголь. Он поставляется химией тела, но он опьяняет, это наркотик. Он зависит от химии. Это такое же химическое вещество, как ЛСД, марихуана – отличие заключается только в том, что он является продуктом биохимии, природа уже снабжает им ваше тело. Но это все равно химическое явление. Через химию вы получаете вспышку экстаза. Вот что происходит, когда вы принимаете ЛСД, – благодаря химии вы получаете вспышку. Вот что происходит с помощью всевозможных одурманивающих веществ – на миг вы забываетесь. Причем даже это кратковременное забытье открывает окно.

Но забытье – это не растворение. Вы не растворились. Вы здесь, ждете. Как только действие наркотика закончится, ваше это снова захватит вас. Это необходимо растворить, не просто забыть. Вот в чем грусть любви: это только забывается, и то лишь на мгновение. Когда это возвращается, оно мстит. Поэтому вы встретите многих влюбленных, которые постоянно ругаются. Это становится еще более прочным, кристаллизируется.

Поэтому вы обнаруживаете, что любовники все время думают о том, что другой их обманывает. Никто не обманывает. Но вы желали, вы надеялись, вы воображали себе состояние единства, и вы думали, что случится великий экстаз, а он не случился – кто-то вас обманул. Конечно, естественно, другой становится объектом. А другой тоже думает то же самое – что вы обманули его или ее. Никто не обманывает, любовь обманула вас обоих, химия обманула вас обоих. Бессознательность обманула вас обоих. Это обмануло вас обоих. Если вы все это поймете, вы не будете ругаться друг с другом.

Это обнаружение грусти с помощью любви станет революцией, радикальной переменой в вашей жизни. Вы начнете двигаться в новом направлении, где это может быть растворено.

Об этом – весь суфизм: как растворить это.

И любовь дает прекрасное озарение, поэтому я полностью за любовь. Но хорошо помните: вы должны пойти за ее пределы. Я полностью за нее, потому что те, кто против, останутся ниже ее, они никогда не выйдут за ее пределы. Те люди, которые не знали моментов экстаза в любви, не познают ее грусти – как они могут знать?

Монах, живущий в католическом монастыре, или *муни*, живущий как аскет, – как они узнают грусть любви? Они отреклись от любви. В самом этом отречении они отреклись также и от грусти.

Но, не зная грусти любви, вы не можете взлететь в мир молитвы или медитации. Этот опыт необходим.

Еще кое-что... Грусть, которую приносит любовь, имеет большой потенциал, она очень глубокая, очень здоровая, она полезная. Она приведет тебя к Богу. Так что не воспринимай ее негативно, используй ее. Это величайшее благословение, что в любви почувствовалась грусть. Это просто показывает, что твое устремление лежит за пределами возможностей любви, твое устремление – к запредельному. Любовь может дать тебе лишь кратковременную удовлетворенность, но не вечное удовлетворение. Чувствуй благодарность за то, что любовь дала тебе хотя бы эту кратковременную удовлетворенность, чувствуй благодарность за то, что любовь заставила тебя осознать бесконечную грусть внутри тебя.

Когда люди находятся вместе в любви, они чувствуют себя очень одиноко. Никто другой никогда не испытывает такого одиночества, как влюбленные. Разве вы не помните? Когда вы сидите, взявшись за руки со своей возлюбленной в полнолунье, вы этого не ощущали? – в высшей степени одиноко. Другой здесь, вы здесь, вы оба друг у друга, нет конфликта, и все же нет моста. Вам одиноко, ей одиноко... два одиночества, сидящие вместе, и каждый заставляет другого лишь сильнее осознавать свое собственное одиночество.

Любовь – это прекрасное переживание. Она заставляет вас почувствовать одну абсолютную истину – что вы рождаетесь одни, живете одни и умираете одни. И нет никакого способа утопить это одиночество в наркотиках – вырабатываются ли эти наркотики природой на деревьях, на фабриках или в теле. Нет способа утопить это одиночество. Каждый должен понять свое одиночество, должен проникнуть в свое одиночество, должен прийти к самой его сердцевине. И когда вы достигли самой сердцевины своего одиночества, внезапно вы видите, что это не просто одиночество, это само присутствие Бога. Вы одиноки, потому что Бог одинок. Мухаммед повторяет снова и снова: «Нет другого Бога, кроме Бога. Бог один». Вслед за Мухаммедом великий суфийский мистик Шабистари говорит: «Знай одно, увидь одно, люби одно, будь одним». Вы уже и есть одно, но вы еще должны проникнуть внутрь себя.

Ваша возлюбленная заставит вас осознать, что нет пути наружу, чтобы стать одним. Путь ведет внутрь. Идите внутрь. Любовь естественным образом ведет людей в медитацию. Влюбленные становятся медитирующими – только влюбленные становятся медитирующими.

Так что, Абинава, это благословение, что ты почувствовала грусть в эти прекрасные моменты любви. Улови намек. Пойми послание. Твое бессознательное дало тебе послание теперь повернуться внутрь. Возлюбленный живет в тебе, возлюбленный – не вовне. Возлюбленный живет в самом твоем сердце. Никакая другая любовь и никакой другой возлюбленный, за исключением Бога, не удовлетворит тебя – отсюда твоя грусть.

Второй вопрос:

Ошо, почему считается, что мысли мешают в познании истины?

Потому что они мешают. Постоянная череда мыслей в вашем уме ослепляет вас. Из-за них вы не видите ничего другого. Они создают туман, вы как будто в облаке. Если пыль скапливается на зеркале, зеркало не может отражать то, что есть. Пыль нужно вытереть, смыть, зеркало должно стать чистым – тогда оно способно отражать. Иначе как оно может отражать? Пыль мешает.

Мысли подобны пыли. Мысли – это постоянная рассеянность. Например, вы сидите под деревом, и внезапно начинает кричать кукушка – но вы поглощены своими мыслями. Вы не слышите кукушку. Ее прекрасная песня не затрагивает вас. Вы слишком полны своими мыслями, у вас нет свободного пространства, поэтому она не может проникнуть в вас. Это простая арифметика: если вы хотите, чтобы что-то проникло в вас, вы должны дать этому немногого пространства. Ваши же мысли настолько заполняют ваш ум, что ничто не может войти.

К мастеру дзен пришел профессор философии. Профессор сказал: «Я пришел к пониманию того, что есть истина. Что вы скажете?»

Профессор поднимался на гору, выглядел уставшим, вспотевшим. Мастер дзен сказал: «Садись. Отдохни немного, я приготовлю тебе чай. Начнем с главного. Об истине мы позже поговорим. Чай более важен, чем истина».

Профессор не мог в это поверить. «Этот человек сошел с ума? Чай важнее истины?»

Но мастер дзен прав. Он имеет в виду, что: «Ты слишком устал и слишком полон мыслей. Позволь мне помочь тебе немного расслабиться. Остынь, пожалуйста». Вот что он говорит. Он говорит: «Не беспокойся слишком сильно об истине, иначе ты ее упустишь».

А затем он готовит чай, приносит и разливает его – продолжает и продолжает лить. Профессор держит свою чашку и блюдце, чашка уже наполнилась, чай начинает выливаться на блюдце, но он молчит. Наконец, он видит, что чай вот-вот прольется на пол, и не выдерживает: «Остановитесь! Что вы делаете? Почему вы продолжаете лить? Моя чашка наполнена, она не может вместить больше чая!»

И тогда мастер отвечает: «Ты внимателен к своей чашке, но невнимателен к своему уму. Как и эта чашка, твой ум переполнен. Я вижу только мусор и хлам в твоем уме, кучу хлама. Куда ты хочешь пригласить истину? Тебе придется освободить пространство, чтобы истина могла войти».

Истина – это гость, не терпящий никого другого. Вам придется полностью себя опустошить, только тогда сможет войти истина. Мысли – это предрассудки. Те, кто слишком погружен в мысли, живут в каком-то своем личном мирке. У них свой собственный мир мыслей и снов, проекций и желаний. Они бегают и суетятся, но они не смотрят на деревья, на зелень, на цветы, на птиц, на людей, на детей, они ничего не могут увидеть.

Я слышал один очень старый анекдот, он имеет чрезвычайную важность.

Микеланджело работал над своим знаменитым потолком в Сикстинской капелле. В течение семи лет он работал на высоких лесах. Он лежал там целый день на спине, работая над потолком. Много раз он видел, как днем, когда в церкви никого не было, слепая старуха приходила помолиться. Кто-то приводил ее и оставлял там, и часами напролет она сидела и молилась.

Однажды, в жаркий день, ему не очень хотелось работать, поэтому он развернулся на лесах и посмотрел вниз. Старуха была там, больше никого не было, церковь была совершенно пуста. Она была занята своей обычной молитвой, слезы катились из ее глаз. Микеланджело захотел пошутить, он был в шутливом настроении.

Он закричал сверху: «Я Иисус Христос. Чего ты желаешь? Просто скажи мне, и я это исполню». Он ожидал, что женщина скажет, чего она хочет.

Но слепая женщина подняла лицо и сказала: «Эй, ты там, заткнись! Я не с тобой разговариваю. Я говорю с твоей матерью!»

Это – предрассудок. Кого волнует Иисус Христос? «Эй, ты там, заткнись!» – сказала она.

Когда вы захвачены какой-то мыслью или каким-то мыслительным процессом, вы становитесь закрытыми. Только маленький тоннель остается открытym. Вы движетесь по этому тоннелю, и этот тоннель ваших мыслей не имеет ничего общего с действительностью. Это ваша мысль. Это просто вибрация в вашем уме, просто вибрация. Поэтому говорят, что, если вы слишком погружены в свои мысли, вы не можете познать истину.

Все виды медитаций предполагают одно – отсутствие мыслей. И этот момент нужно понять также и в отношении суфизма. Так же как в уме есть мысли, в сердце есть эмоции. Мысли должны уйти, если вы хотите, чтобы взошло знание, а если вы хотите, чтобы в вашем сердце взошла любовь, тогда должны уйти ваши сентиментальность и эмоции.

Люди готовы принять то, что мысли должны уйти, – тогда ваш разум чист. Но они недостаточно размышляли над вторым: что ваше сердце чисто, только когда ушли ваши эмоции и ваши так называемые сантименты. Многие люди принимают сентиментальность за чувства, но это не так. Мысли – это не разум, сентиментальность – это не любовь. И есть только два пути. У суфии есть два названия для них, в общем, все религии говорят о двух путях. Суфии называют

первый путь – марифа. Марифа означает путь знания. Второй путь – махаба. Махаба означает путь любви. Это то, что индуисты называют джнянамарга и бхактимарга, – путь разума и путь любви.

Но оба нуждаются в одном: если вы ищете разумом, тогда отбросьте мышление, чтобы разум мог функционировать беспрепятственно; если же вы идете по пути любви, тогда отбросьте эмоциональность, сентиментальность, чтобы ваша любовь могла действовать беспрепятственно. Или вы увидите Бога сердцем, зеркалом сердца, или вы увидите Бога через зеркало вашего разума. Оба пути идеально хороши – вам нужно лишь выбрать тот, что наиболее резонирует с вами.

Половина человечества будет следовать марифе, другая половина будет следовать махабе. Это четкая пропорция – потому что в мире половина женщин и половина мужчин. Инь и ян разделены таким образом во многих измерениях. Путь сердца – это женский путь, а путь разума, медитации, знания – мужской путь. Но помните одно: вы можете быть мужчиной биологически, но при этом не быть мужчиной психологически; вы можете быть женщиной биологически, но при этом не быть женщиной психологически.

Вам нужно заглянуть внутрь себя психологически. Физиология не является определяющей, физиология не является решающей в этом вопросе. Многие женщины пойдут через знание, многие мужчины пойдут через любовь. Поэтому не принимайте как само собой разумеющееся то, что если физиологически ваше тело мужского пола, тогда ваш путь – путь знания, нет.

Мужчина – это одновременно мужчина и женщина, женщина – это одновременно мужчина и женщина. Во многом эти два аспекта сходятся. Единственное отличие – в акценте. Если вы мужчина в одном, в другом вы будете женщиной, для компенсации. Если вы женщина в одном, вы будете мужчиной в другом, для компенсации, потому что тотальное целое должно быть в абсолютном балансе. Все ваши внутренние женщины и все ваши внутренние мужчины – биологические, физиологические, психологические – должны приходить к синтезу, иначе вы не сможете существовать. Все они должны быть абсолютно сбалансированы.

Поэтому посмотрите в свои собственные глаза. Выясните, кто вы. Что наделяет вас энтузиазмом – познание или любовь? Что приводит вас в экстаз – познание или любовь? Что заставляет ваше существо петь?

Так, Альберт Эйнштейн не может пройти по пути махабы. Его радость – его разум. А вы можете предложить Богу только свою радость, ничего больше. Это предложение, единственное предложение. Вы не можете предложить цветы с деревьев, вы можете предложить только свое цветение. Эйнштейн расцвел как совершенно прекрасный разум – это тот цветок, который он предложил Богу. Это его цветок. На его дереве расцвел этот цветок.

Чайтанья или Иисус – это люди другого рода. Их сердце открылось. Они расцвели в любви – они предложили этот цветок. Вы можете предложить только свое цветение. А чтобы расцвести, вы должны помнить о том, чтобы устранять помехи. Настоящий разум не занят мыслями. Поэтому все великие ученые говорят, что каждый раз, совершая открытие, они совершали его, не думая – в момент, когда мышление прекращалось, и образовывался интервал, зазор. Во время этого интервала и случалось озарение – интуитивная вспышка, подобная молнии. Когда мысль останавливается, ваше мышление чисто. Это покажется парадоксальным. Когда мысль останавливается – позвольте мне повторить – ваше мышление чисто, ваша способность отражать реальность чиста. Когда исчезают эмоции, исчезает сентиментальность, тогда ваша энергия любви чиста.

Каждый ищущий должен это понять. Если вы не можете это понять, тогда спросите своего мастера – потому что иногда вы будете путаться, пытаясь определить свою суть. Есть пограничные случаи, когда вы на сорок девять процентов женственны и на пятьдесят один процент мужественны, или, наоборот, таким людям очень трудно определить, кто же они. И утром про-

порция может быть сорок девять процентов мужчина, пятьдесят один процент женщина, а вечером она может измениться. Вы – поток. Утром вы можете решить, что находитесь на пути любви, а к вечеру решите, что вы на пути знания. Утром все более любящи. К вечеру трудно оставаться любящим, умиротворение не для вечера. К вечеру все становятся жестче, все становятся твердыми, как скалы.

Поэтому нищие просят милостыню утром, а не вечером. Они не приходят вечером, потому что знают, что все двери будут закрыты и их будут отовсюду прогонять с криками. Но утром они могут надеяться. Люди расслабились за ночь, посмотрели прекрасные сны, снова стали детьми, потерялись в состоянии без сновидений. Это было забыто. Утром они более свежи, невинны, молоды. Можно положиться на то, что они проявят сострадание. Они могут ничего вам не дать, но точно не накричат на вас. А вполне возможно, и подадут.

Поэтому все религии предписывали молиться по утрам. В Индии мы называем этот особый момент *брахмамухурт*, момент Бога – прямо перед рассветом. Это лучший момент для молитвы. Почему? Потому что всю ночь вас не было в мире, вы были вне конкурентной борьбы, зависти, собственничества, ненависти, злости, вне математического, расчетливого ума. За эти семь, восемь часов вы стали частью природы. Ваши глаза более чистые, ваше сердце более свежее – и потому молитва возможна. К вечеру это будет все труднее и труднее. Видя людей и их нечестность, видя вокруг кровавую конкурентную борьбу, насилие, агрессию, войны, эксплуатацию – страдания, порождаемые каждым для всех остальных, – человек становится жестче, теряет сердце.

Если вы не можете определиться, тогда спросите своего мастера. Мастер выполняет множество функций: одна из них – первая, исходная – он должен решить за вас, потому что может глубже посмотреть в вас. Он может увидеть ваш потенциал. И иногда так случается, что на поверхности вы одно, а потенциально другое. Иногда так случается, что мужчина выглядит чрезвычайно мужественно, а глубоко внутри у него очень мягкое сердце. Возможно, именно из-за мягкого сердца он создал вокруг себя панцирь из силы, агрессии – он боится своей собственной мягкости. Он боится, что эта мягкость сделает его уязвимым. Он боится, что если он откроет свое сердце, то все будут его использовать, будут его обманывать, и он окажется не у дел в этом мире конкуренции. Боясь своей мягкости, он закрылся, он соорудил вокруг своего сердца Китайскую стену. Он стал очень агрессивным. Он стал агрессивным в той же пропорции, в какой он чувствует себя мягким и уязвимым.

Поэтому, если он задумается, он решит, что он очень жесткий человек, воин, очень расчетливый человек, он может быть сбит с толку своим собственным панцирем, он может попасть в свою собственную ловушку. Он соорудил эту ловушку для других, но нужно понять одну вещь: вы копаете яму для других, а в конечном итоге попадаете в нее сами.

Или может быть кто-то, кто выглядит невероятно женственно – мягко, грациозно, элегантно – глубоко внутри может быть очень опасным человеком, Адольфом Гитлером или Бенито Муссолини, или Чингисханом. Такое тоже возможно, такое тоже случается. Когда человек так пугается своей собственной агрессии и жестокости, он создает вокруг себя мягкую оболочку, иначе никто не будет иметь с ним дела. Он боится, что никто не будет иметь с ним дела, поэтому становится очень вежливым, он обучается этикету, все время кланяется людям, всегда улыбается, чтобы никто не увидел его жестокость, которую он носит в себе как яд, как кинжал. Если у вас есть кинжал, вы должны его где-то прятать. А однажды спрятав его, постепенно вы сами о нем забываете.

Первая функция мастера – всмотреться в ваш потенциал, потому что решающее значение имеет не ваш панцирь, не ваш характер, не вы на поверхности, но вы в глубочайшей сердцевине вашего существа. Вы, какими вас создал Бог, не вы, какими вас создало общество или вы сами. Только с этого момента что-то начинает расти.

Если вы начнете работать над собой в своих доспехах, вы никогда не вырастете – потому что броня не может расти, она мертва. Только ваше существо может расти. Структуры не расстут, они не живые. Только жизнь в вас может расти – жизнь, которая была для вас Божьим даром. Но как вы собираетесь ее увидеть?

Вам понадобится кто-то, способный увидеть самую глубину вашего существа. И вам придется позволить кому-то проникнуть в вашу глубину, поэтому необходимо сдаться. Мастер не сможет работать, если вы не сдались ему. Вы не откроетесь, вы не позволите ему войти, вы будете защищаться даже от него, вы будете обороняться даже против него, вы будете держать дистанцию, вы не позволите ему слишком близко подойти к вам. И никакой возможности для роста не возникнет.

Что значит сдаться? Сдача – это полное доверие тому, кому вы открываете свое сердце. Это риск. Кто знает, что с вами сделает мастер? Конечно, это риск. Поэтому религия не для тех, кто очень труслив. А трусливые люди – хитрые люди, они все время ищут объяснения. Они говорят: «Зачем мне сдаваться? Зачем мне кому-то сдаваться?» Они думают, что сдаться – значит проявить слабость.

Они абсолютно не правы. Сдача возможна, только если вы очень сильны. Для того чтобы сдаться, необходима огромная сила, великое мужество, большой риск. Слабые люди не могут сдаться. Они не могут так сильно доверять себе и не могут быть достаточно смелыми, чтобы открыть свои сердца кому-то другому.

Слабаки никогда не сдаются, помните. Слабаки все время борются. Они боятся своей слабости, они знают, что слабы. Они не могут позволить себе сдаться, только очень сильные могут. Это мой опыт здесь. Каждый раз, когда ко мне приходит сильный человек, он всегда готов совершить прыжок, а когда ко мне приходит слабый трус, он говорит и думает, все размышляет, находит обоснования и объяснения. И вы всегда можете найти объяснения, ум очень плодороден в этом. Для лжи ум очень плодороден, для истины – бессилен.

Это начало – мастер должен посмотреть и определить, каков ваш путь, он должен определить, что будет вашим тарикатом, методом; он должен решить, в каком направлении вы будете двигаться, и с какой точки в вашем существе вам придется начать работать.

Дальше еще тысяча и одна функция. На каждом шагу путешествия появляются проблемы – потому что это путешествие не похоже на простую автомагистраль. В каждой точке есть разветвления, в каждой точке есть обходные дороги. Это путешествие очень зигзагообразно. Это почти как ребус, как лабиринт. Пока не появится кто-то, кто прошел весь путь и знает путь, очень возможно, что вы где-нибудь заблудитесь, что выберете неверный маршрут. На каждом шагу встречается неверная дорога. Из сотни дорог лишь одна – правильная, девяносто девять – неверны. Такова ситуация. Вам понадобится кто-то, кто будет помогать вам на каждом отрезке пути.

Но, по мере вашего роста, доверие тоже будет расти. Когда вы совершаете первый шаг с мастером, вы видите, что с вами произошло что-то правильное. Ваше доверие к мастеру возрастает, и становится возможным следующий шаг. Опять что-то происходит, и опять доверие увеличивается... Постепенно доверие становится абсолютным, и ученик исчезает. И в момент, когда ученик исчез, ученик родился. Теперь не будет никаких неприятностей. Теперь все пойдет гладко. И теперь путешествие станет радостью, оно не будет тревогой. Если же вы одни, без мастера, оно вам принесет одни страдания.

И, наконец, в конечный момент мастер нужен для того, чтобы дать вам толчок – потому что в конечной точке все сомневаются. Это смерть. Суфии называют ее великой смертью. Это не обычная смерть – в обычной смерти умирает только тело. Это великая смерть. В этой смерти умирает даже «Я», вы полностью уничтожаетесь. Поэтому Будда назвал это состояние нирваной – гашением свечи. Вы полностью аннигилируете. Но только из этой аннигиляции что-то может возродиться.

Великий суфийский мастер Фарид ад-Дин Аттар рассказывал историю о фениксе. Это символическое, мифологическое сказание о конечной, высшей смерти ученика.

Феникс – это прекрасная птица. У него нет пары, он живет в уединении. У него длинный и твердый клюв, как флейта, в котором около ста отверстий. Каждое отверстие имеет свое звучание, и каждый звук открывает тайну. Мистический друг птицы научил ее искусству музыки.

Когда феникс издает свои звуки, это затрагивает всех птиц в небе и всех рыб в море. Когда начинает звучать музыка, все дикие звери застывают в молчании и испытывают экстаз.

Феникс живет около тысячи лет. Он знает время своей смерти, и когда это знание пронзает его сердце, он собирает множество деревьев, складывает их в одном месте и разжигает огонь. Затем он располагается в середине костра. Через каждое отверстие в клюве он издает жалостный крик, из глубины своей души он поет свою похоронную песнь, затем начинает дрожать.

Все птицы слетаются при звуке этой музыки. Дикие звери собираются, чтобы присутствовать при смерти феникса. В этот момент они все начинают осознавать свою собственную смерть. Когда наступает момент его последнего вдоха, феникс расправляет свой хвост и перья и ими раздувает огонь, который быстро распространяется на костище и начинает пылать. Вскоре и птица, и костер превращаются в единую раскаленную огненную массу. Когда раскаленные угли выгорают в пепел, и остается только одна вспышка, новый феникс рождается к жизни.

Но как вы можете верить тому, что феникс возродится? Вы исчезните, вы полностью исчезните. Буддисты говорят: *гате, гате, парасамгате* – вы исчезните, исчезните, уйдете навсегда. Но в самом этом уходе есть что-то новое. Вы высвобождаете энергию, старый сценарий исчезает, но вечная энергия принимает новую форму, рождение. Это воскрешение. Это последнее, что должен сделать мастер, – помочь вам умереть, помочь вам исчезнуть.

Суфии говорят, что без мастера нет пути, потому что без мастера ищущий практически лишен возможности достичь искомого.

Третий вопрос:

Ошо, ты сказал, что жизнь – это паломничество без цели. Это только для непросвещенных? Когда просветленное существо покидает тело, продолжается ли паломничество?

Да, паломничество продолжается, но паломника больше нет. Паломник исчезает, хотя паломничество продолжается.

У вас происходит прямо противоположное: есть паломник, а паломничества еще нет. Паломника слишком много, поэтому он препятствует паломничеству.

Танцов исчезает, но танец продолжается; певец исчезает, но песня продолжается. Песня не может умереть, потому что песня исходит от Бога. Танцов не может жить вечно, потому что танцов – лишь из ума, просто вымысел. Танец – это реальность, а танцов – лишь вымысел. Поэтому суфии развили множество методов через танец: например, кружящиеся дервиши.

Что происходит в кружении? Что происходит с кружящимся дервишем, когда он продолжает танцевать и кружиться, кружиться, кружиться без остановки? Что происходит? Наступает момент, когда кружящийся исчезает, есть только вращение; того, кто кружится, больше нет, есть только кружение. Есть энергия, но у этой энергии нет центра. В этот самый момент и осуществляется медитация.

Танец – один из древнейших методов, *тарикат*, поэтому я так сильно настаиваю на танце. Ко мне приходят многие люди – ортодоксальные джайны, католики, буддисты – и говорят: «Зачем столько танца?» Потому что они думают, что, только когда вы сидите в молчании под деревом и тело абсолютно неподвижно, только тогда можно войти в медитацию.

В медитацию можно войти двумя способами. Либо исчезает всякое движение – тогда вы сидите как Будда, как камень, как статуя. Когда все движение исчезает, исчезает движущийся, потому что движущийся не может существовать без движения. Тогда начинается медитация. Или же вы танцуете. Вы продолжаете танцевать, танцевать, танцевать, и наступает момент такого экстаза, такого предельного движения энергии, что в этом движении подобное камню этого не может существовать. Вы превращаетесь в торнадо. Камень исчезает, остается только танец. Движение есть, но движущегося больше нет. И начинается медитация.

Тем, кто следует по пути любви, махабы, идеально подойдет танец. Для тех, кто следует по пути знания, будет полезно неподвижное сидение в позе будды, в различных йогических позах.

Четвертый вопрос:

Ошо, кажется, что успешные психотерапевтические отношения приводят к духовному росту как клиента, так и терапевта. Пожалуйста, объясни: до какой степени отношение между клиентом и психотерапевтом похоже на отношения между учеником и мастером?

Они совсем не похожи – по многим причинам. Но самая основная состоит в том, что отношения клиента и терапевта являются отношениями, а отношения между учеником и мастером вовсе не являются отношениями, потому что ученик должен в этом исчезнуть. Клиент, пациент, не должен исчезнуть в терапевте, он сохраняет свою личность. Они остаются двумя. В отношениях с мастером ученик должен исчезнуть, и когда нет ученика, естественно, мастер тоже исчез – потому что мастер не может быть без ученика.

Мастер – это представление ученика. Когда ученик исчезает, мастер исчезает, и есть только Бог, единый Бог.

Это очень важно. Помните об этом. Если вы готовы исчезнуть, то меня уже нет. Я существую только в вашем уме. В том, что касается моего существования, то его нет. Если вы готовы раствориться, внезапно вы осознаете, что вы растворились в ни-что, нет ни мастера, ни ученика. Как возможны отношения?

Отношения возможны только между учителем и обучаемым, да, но не между мастером и учеником. Здесь меня окружают два типа людей. Те, которые являются учениками... Для них не существует отношений со мной – я есть они, они есть я. Но есть и несколько студентов. С ними появляются отношения. Я – учитель, а они – студенты. Здесь также может быть несколько пациентов, тогда я – терапевт, а они – пациенты. Это зависит от вас. Но отношения между пациентом и терапевтом – это всего лишь отношения.

Второе, что нужно запомнить: пациент и терапевт ничем не отличаются в том, что касается их существа. Терапевт может страдать от той же патологии, что и пациент, у него могут быть те же проблемы. Но он – эксперт, человек, обладающий знаниями. Он знает больше, чем пациент. Он не совершеннее пациента, просто он *знает* больше, чем пациент. Поэтому он может помочь.

Он как сантехник. Сантехник знает о ванной больше вас, но это не значит, что он совершеннее вас. Когда что-то не так: не работает нагреватель, не течет вода, – вы звоните сантехнику. Он знает больше, он эксперт.

Психотерапевт – это сантехник для ума. Что-то засорилось – он знает, он поможет вам. Здесь вокруг меня много сантехников, и они делают хорошую работу, они действительно знают, что делают, но помните: сантехник есть сантехник.

Мастер – не сантехник. Мастер не отличается от вас количеством знаний, он отличается от вас качественно. Иногда может случиться, что ученик знает больше, чем мастер. Это возможно, в этом нет проблемы, но ученик не совершеннее мастера. И в этом отличие.

У мастера есть целостность, он реализовался. У него нет никаких проблем, его проблемы исчезли, потому что он сам исчез, исчезла основная проблема. Исчез тот, кто создавал проблемы. У него больше нет никаких проблем. Когда вы устанавливаете связь с мастером, это связь с человеком, у которого нет проблем. Он совершенно спокоен. Абсолютная тишина. Никаких вопросов, никаких проблем, нечего решать, некуда идти, нечего делать... все уже случилось. Больше нечему слушаться. Происходящее исчезло. Он просто есть. Он – чистая есть-ность, чистое существование.

А терапевт – это такой же человек, как вы, он просто эксперт в одной области. И только в этой области он может вам немного помочь.

Я слышал...

У одного парня было два попугая, и он хотел узнать, который из них самец, а который самка. Стоявший рядом мужчина сказал: «Я специалист по птицам и могу вам помочь. Известно, что каждый раз, когда птицы едят червей, самец всегда ест мужские особи червей, а самка ест женские особи».

«Прекрасно, но как узнать, какой червяк – мужская особь, а какой – женская?»

«А вот этого я не знаю. Я ведь только специалист по птицам».

Терапевт не способен на большее, поэтому не давите на него слишком сильно. Примите его помощь. Он знает гораздо больше вас о том, как работает человеческий ум, как человек ведет себя. Он это изучал. Он может помочь. Если ваш ум запутался, он может это поправить. Он может привести вас в порядок.

Мастер не приводит ваш ум в порядок, он помогает вам растворить его. Он не заинтересован в том, чтобы приспособливать вас к обществу, приводить вас в соответствие отдельным нормам, стандартам, принципам, он совсем не заинтересован в том, чтобы приводить вас в соответствие, потому что само общество больно. Оно настолько больно, насколько это возможно. Приспособить вас к этому обществу – значит приспособить вас к тяжелому заболеванию. Это общество безумно, невротично. И все ваши психотерапевты состоят на службе у этого невротичного общества. Когда кто-то начинает выходить за пределы общепринятого невроза, зовут психотерапевта – ведь вы зашли слишком далеко. Вернитесь. И он помогает вам вернуться в приемлемые рамки. Он делает из вас нормального ненормального, вот и все. Он находится на службе у общества.

Вот почему психотерапия полностью антиреволюционна. Если общество капиталистическое, то терапевт приспособит вас к капиталистическому обществу. Если вы живете в Америке, он приспособит вас к американскому обществу, американскому стилю жизни. Если вы живете в Советской России, он приспособит вас к коммунистическому обществу, коммунистическому образу жизни. Он служит государству. Он служит существующему порядку. Где бы он ни был, он на службе у тех, кто оказался у власти.

Мастер не служит никакой власти. Мастер не служит никакому обществу. Мастер в своей основе бунтарь. Бунтарство – самая его суть. Он не служит никаким тюрьмам, он не служит никаким обусловленностям. Он делает вас просто свободными – свободными от обусловленностей, свободными от всех обществ, свободными от всех придуманных человечеством законов и дисциплин. Он дарит вам свободу.

Психотерапевт дает вам психологическую корректировку, чтобы вы могли лучше функционировать, вот и все. Психотерапевт смотрит на вас как на функцию в обществе. Вы работаете врачом, вы прекрасно справлялись со своими обязанностями, и вдруг вы сходите с ума. Тут появляется психотерапевт и помогает вам вернуться к старому порядку, чтобы вы могли заниматься тем же и так же, как вы это делали раньше. Вы так хорошо работали на благо общества, были таким хорошим врачом, были хорошим профессором... просто что-то пошло не так. Вы занимались такой полезной работой, были таким ценным ресурсом.

Профессор философии сказал своим студентам, что если кто-то из них сможет ответить на один вопрос, то он позволит этому человеку не сдавать обычный экзамен. Вопрос был следующий: «Если лодка проплывает пять миль вниз по течению, в то время как ворона летит восемь миль через поле за то же время, что воробей пролетает десять с половиной миль против часовой стрелки, тогда сколько мне лет?»

«Вам сорок четыре года, сэр», – ответил один из студентов.

«Поразительно! – воскликнул профессор. – Скажите мне, как вы угадали?»

«Это было просто, сэр, – скромно ответил студент, – видите ли, у меня есть племянник, которому двадцать два, и он лишь наполовину сумасшедший».

Теперь этому профессору понадобится психотерапевт, чтобы вернуть его назад. Оншел слишком далеко – оторвался от жизни.

Психотерапевт помогает обществу оставаться таким, какое оно есть. Фрейдисты, юнгианцы, аддерианцы и прочие, все они антиреволюционеры, потому что все они служат обществу. Что бы они ни говорили, как бы они ни защищали свои принципы, по сути, они служат существующему порядку.

Они – современная версия священника. В древние времена священник выполнял ту же функцию. Он поддерживал в людях управляемость, подконтрольность, он служил королю. Между политиком и священником был заговор. Политик прикасался к стопам священника, а священник навязывал людям определенный вид общества – именем Бога. Но потом Бог умер. Естественно, священник оказался безработным. Король исчез. Теперь существуют только пять королей – четыре в игральных картах и один в Англии. Все остальные исчезли. Король исчез, священник исчез, Бог исчез, общество стало демократическим.

Но обществу нужны священники. Без священников политики не могут функционировать. Священник вернулся в новом обличье: психотерапевт – это новый священник, а психотерапия – новая религия, религия в понимании всех так называемых существовавших религий. Это не суфизм, это не дзен, это не хасидизм; это не иудаизм, мусульманство, индуизм, буддизм. Это новая религия, а психотерапевт – новый священник, и он выполняет прежнюю работу – старое вино в новых мехах.

Мастер всегда был против священника, и мастер останется против всевозможных священников – как бы они ни назывались.

Отношения между мастером и учеником – нечто совершенно иное. Во-первых, это не отношения, во-вторых, они никак не связаны с обществом, адаптацией, нормальностью. На самом деле, мастер помогает ученику выйти за пределы ума. Терапевт же удерживает человека на уровне ума, в силках ума. Их функции практически противоположны.

И последний вопрос:

Ошо, почему Гурджиев говорил, что если вы хотите избавиться от религии, живите поближе к священнику?

Это просто. Священник остается важным, только если вы не знаете его сердце, если вы не знаете его реальность. Если вы начнете узнавать его реальность, вы будете удивлены: священник – последний из веряющих в религию. Он никогда не верит, он лишь притворяется. Вера – это не более чем его профессия. Священник – единственный человек, который знает, что Бог не существует, просто он не может об этом говорить, потому что весь его бизнес зависит от этого. Это его коммерческая тайна. Гурджиев прав.

Послушайте несколько историй. И вы все поймете сами.

Ревностный католик пришел к священнику и сказал: «Святой отец, у меня умерла собака, и я хочу знать, считаете ли вы правильным устроить для нее похороны».

Священник ответил: «Да, думаю, в этом нет проблемы, если вы так желаете».

«А кто, по-вашему, был бы подходящим священником для их проведения?»

Священник был не в восторге от мысли об этих похоронах, поэтому он ответил: «Я знаю одного хорошего пресвитерианского священника... Я уверен, что он проведет их для вас».

«О, спасибо, святой отец, и еще один вопрос. Как вы думаете, сколько я должен ему за это заплатить – двести, триста долларов?»

У священника загорелись глаза, и, слегка коснувшись рукой прихожанина, он сказал: «Почему, мой друг, вы сразу не предупредили меня о том, что ваша собака была ревностной католичкой?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.